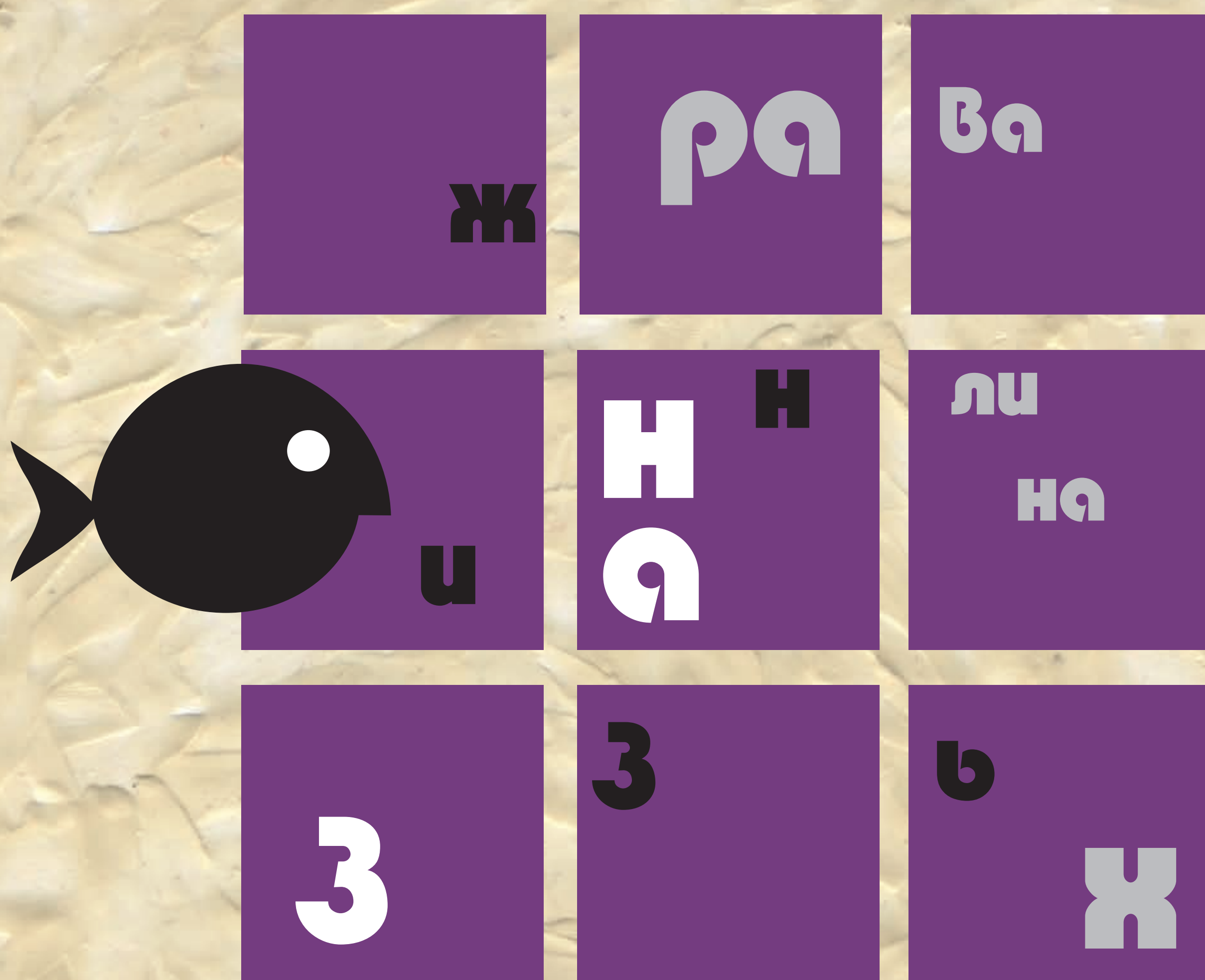
ПОКОЛЕНИЕ

№ 2 (6) 2013

тема номера:

ЖИЗНЬ НА РАЗВАЛИНАХ

ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

ПОКОЛЕНИЕ 2 (6) 2013

Не знаю ничего скучнее разговоров «о вреде СССР». Видимо, потому что никто и никогда не говорил мне «о пользе». Зачем в какой-нибудь юбилейный раз доказывать, что зло злое? Напоминает Грасиановскую фразу: «Больное место почешешь – не больно себя утешишь, только врагов потешишь». Обвините меня справедливо в том, что я слишком молода, слишком эгоистична, слишком недальновидна, равнодушна, разумеется, и вообще «мне не понять». Верно – не понять. В этом вся суть. СССР болит мне исторически, надеюсь, даже духовно, но физически он по мне не ударил. Не хочу о нём говорить, тем более спорить, что из моих уст уже забавно, и куда смешнее в письменном виде.

Но мне точно известно, что такое жить на развалинах страны, которой не знал. Четыре поколения, бывших прежде тебя, маршировали на плацу и в кошмарных снах теряли партбилеты, а ты вообще не в состоянии понять, что в этом может быть хоть какой-то смысл. Самое абсурдное для тебя – вездесущие статуи Ильича и улицы Дзержинского, самое удивительное – неубиваемость советского менталитета. Родителей, которые взрослели в 60-70-х, иногда ты понимаешь даже хуже, чем бабушек и дедушек. И ещё, есть одно такое слово – «девятиэтажка». Его ты не понимаешь вообще.

Иными словами, мы живём в последствиях того, чего не понимаем. Но чувствуем, совершенно точно. Доказать проще простого: помните Розенбаума: «Рассказал на переменке анекдот я про Никиту»? «Про Никиту» и генсека с бровями «как лес дремучий» шутят и по сей день. Только вот про Ленина со Сталиным отчего-то анекдотов поменьше, да и те, что есть, совсем не смешные. Потому что слишком уж это страшно. Страшно и удивительно живуче. Игорь Губерман вот только хорошо пошутил:

Не в силах нас ни смех, ни грех
Свернуть с пути отважного,
Мы строим счастье сразу всех,
И нам плевать на каждого.

Впрочем, не знаю, шутил ли он, но даже смотреть в страшную сторону многие боятся.

«Жизнью на развалинах» мы назвали ту точку нашей истории, в которой мы сейчас, относительно всего, что происходило на протяжении семидесяти лет. Возможно, есть местечко, где нам было бы лучше, но пока мы здесь.

И, если честно, мне это нравится. Говорят, чтобы создать порядок, сначала нужно создать беспорядок. В этом смысле нам повезло – беспорядок и в нашей большой истории, и в наших маленьких головах уже создан. Нам осталось самое приятное. Время, в котором мы живём, – это шанс. Что-то плохое развалилось и в душе человека, и в его государстве. Плохого не надо бояться, просто смотреть на прошлое без страха и думать, как сейчас быть. Мы в ситуации с одной стороны несколько трагической, с дугой – в ситуации с большим потенциалом. Вопрос в том, как ситуацию использовать. Причём, извечный христианский: ни «это хорошо», «это плохо», а «что ты с этим сделаешь?». Можно до сих пор хранить бюст Ленина на полке, можно злобно выбросить из окна, а можно разукрасить и сделать смешную карандашницу. Мы вольны делать многое, но почему тогда не делаем – не используем потенциал? Нужно ли говорить, что Союз здесь ни при чём: не нравится тебе грех – избавляйся от него, нет работы – ищи, Мурка обои подрала – приклей.

«Жизнь на развалинах» – лучшее, что было с нами за последние четыреста лет. Разумеется, в том случае, если я пойму, что единственное её отличие от всех остальных жизней – это «квартирный вопрос».

Елена Бабич
главный редактор

АНФАС

Враг любит банальности, Он хочет, чтобы люди, планируя что-нибудь, задавали себе вопросы простые: справедливо ли это? благоразумно ли? возможно ли? Если же мы заставим людей спрашивать себя: согласуется ли это с духом времени? прогрессивно это или реакционно? по тому ли пути движется история? – они не будут обращать внимания на то, что относится к делу. На вопросы, которые они себе задают, конечно, нет ответа. Они не знают будущего, а каково оно будет, во многом зависит именно от их выбора. В результате, пока их мысли кружатся в пустоте, мы располагаем наилучшей возможностью проскользнуть и склонить их к тем действиям, которые нам желательны.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

ЕЛЕНА БАБИЧ

ЭХО ПЕСОЧНОЙ ИМПЕРИИ

Виктор Сергеевич Правдюк о жизни на развалинах

Если вы ещё не знакомы, надеюсь вам очень приятно, потому что вот он – Виктор Правдюк – человек с невыдуманной фамилией, который много лет с экранов ТВ рассказывает об исторических событиях советской эпохи так, как до него не рассказывал никто. Осмысление прошлого, по мнению Виктора Сергеевича, – необходимая деталь разумного настоящего. Чтобы понять себя чуть лучше, в «Анфасе» мы беседуем о «жизни на развалинах».

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ ПРАВДЮК

российский режиссёр документальных фильмов и телепрограмм, журналист, публицист. Главный редактор телевидения и радиовещания Студии "Культура" (Санкт-Петербург).

Вы часто говорите, что советская империя – это дом, построенный на песке. Что Вы называете песком?

Как вы считаете, сколько должна продолжаться жизнь страны или империи? Думается, лет пятьсот-семьсот. Но семьдесят лет – это одна песчинка. Если сталинская империя прожила семьдесят лет, это верное свидетельство того, что она была нежизнеспособна. Более того, эта империя закончилась голодом. Фактически мы несколько лет вынуждены были жить на гуманитарную помощь Запада. Но разве это возможно, чтобы такое огромное государство со сравнительно небольшой численностью населения не могло себя прокормить? Бессмыслица какая-то! Значит, у этого государства ложные экономические основы. Значит, человек разучился трудиться. Значит, он не хочет трудиться. Неужели он не хочет кормить себя и детей? Такого быть не может. Выходит, это государство виновато, выходит это оно построено неверно.

Создаётся впечатление, что мы до сих пор копошимся в развалинах Советского Союза, но ничего нового и важного не создаём, да и не можем создать. Как Вы думаете, почему?

Один из моих учителей, Лев Николаевич Гумилёв, наверное, был единственным учёным, который мог это объяснить. Он говорил о том, что в одном человеке (так же, как и в семье, и во всём обществе) есть определённый запас энергии. Когда эта энергия на подъёме и общество живёт за счёт того, что в нём много энергичных, предприимчивых, умных, способных людей, общество это поднимается вместе с государством. Когда же выясняется, что энергия на исходе, когда человек устал и нет притом инициативных пассионарных людей, наступает спад.

Посмотрите, как в 1991 году завершилось существование нашей советской империи – полным «пшиком»! Союз лопнул как воздушный шарик, а всем – до лампочки! Ведь никто империю не защищал. Значит, это было что-то ядовитое – ИСТОЩИВШЕЕ ЭТОТ СЛОЙ ЭНЕРГИЧНЫХ ЛЮДЕЙ. В данном случае мы потеряли энергию народа. Мы её израсходовали в битвах, сражениях, междоусобицах, в коллективизации. В итоге и сейчас созидательной энергии у нас нет.

Я уже не говорю о том, что после того, как рухнул Советский Союз, его идеология осталась в сознаниях людей. Казалось бы уже всё давно решено, но мы по-прежнему бессмысленно спорим о Сталине. Тогда нам говорят: «Если Сталин плохой, нужно вернуться к Ленину». Это вечная сказочка, ведь Ленин страшнее Сталина. Когда в 1922 году в стране нечего было есть, в знаменитом секретном письме Молотову Ленин пишет: «Пока народ умирает с голоду, бейте его по голове». И вот этим «назад к Ленину» мы убьём ещё пять лет возможности возрождения, если будем на эту тему рассуждать и вообще мешать нормальному ходу жизни.

Конечно, мы долго жили за счёт ресурсов, но что с того? Нельзя жить только тем, что мы продаём лес, газ и нефть. Когда-то приходят другие энергоносители, и люди начинают жить без нефти и без газа на более высоком уровне, чем с нефтью и газом. Это урок сегодняшней России: если она не овладеет технологиями, не преодолеет отсталость и будет по-прежнему сырьевой базой для мира, она кончит плохо.

Похоже, что именно из-за прошлого сегодня многие как огня боятся слова «строить». Ожидание, что сейчас нам скажут строить «новое общество», «новый порядок», какой-нибудь очередной «изм» настораживает и способно замедлить даже обычный ход жизни . Как превратить боязнь рабского труда в желание созидать?

Во-первых, давайте сразу укреплять семью. Говорят, у нас хулиганы в школе. Школа не может справиться с тридцатью хулиганами, а семья с одним может. Надо всё делать для того, чтобы семья была здоровой, крепкой и большой, и чтобы она стремилась улучшить свою жизнь. Улучшение этой маленькой ячейки есть шажок. И потом не надо думать, что мы сразу изменим всё. Мы не можем из глубокой пропасти сразу выпрыгнуть на высокую гору. Мы можем только карабкаться, а может, и ступени рубить и по этим ступеням подниматься всё выше. И откуда только это наше нетерпение: «Завтра быть счастливым!», «Завтра новое общество!» «Завтра коммунизм!» «Завтра у всех всё будет!»… На самом-то деле очень медленно улучшается духовная жизнь человека, материальная, какая угодно – для этого работать надо! Вот и начните с того, что семья для любого государства основа. Создавайте крепкую семью, помогайте ей на всех уровнях, и вы увидите, какой будет результат. Люди поймут, что они работают для семьи. Для себя, для моих детей и внуков я должен сделать жизнь лучше. Это простой банальный ответ, но, к сожалению, действительность говорит о том, что семья неблагополучна.

Часто приходится слышать от Вас о необходимости исторического покаяния. Кого вы призываете к покаянию?

Я не призываю – я сам. Я считаю, что ответственен за то, что происходило в семнадцатом году, хотя и родился гораздо позже. Я тоже отвечаю за тех солдат, которые насиловали и убивали немецких женщин в сорок пятом, хотя мне было тогда 3 года. Нужно понять, что это некая коллективная ответственность: народ должен отвечать за деяния своих людей. И не надо никого призывать, ведь, если ты сам будешь чувствовать ответственность, может быть, это повлияет на других. А может, и не повлияет. Но если мы начнём всех призвать встать на колени, то получим лживое покаяние.

Это не публичный, а сугубо личный процесс. Человек приходит к нему, понимая, что убийство царской семьи – это самое страшное, что было в нашей истории, потому что убита была нравственная вершина. Ничего более нравственного, чем семья государя нигде и никогда не было. Это убийство морали. Когда человек это осознаёт и кается, тогда это истинное покаяние. На призыв: «Ребята, давайте покаемся за убийство!», все, конечно, ответят: «Да, мы каемся!», только это будет не

Альтернативы в истории надо рассматривать, потому что могло быть совсем по-другому. «Титаник» мог не утонуть, а он утонул. Там было около сорока пунктов, согласно которым он непотопляем, а он утонул. Вот вам и альтернатива в истории.

прочувствовано, а когда эти «ребята» всё поймут, они сами без призывов, а по призванию покаются.

А люди XXI века, они другие?

Я считаю так: всякое новое поколение лучше предыдущего. Все, кто моложе меня, лучше меня. Мои дети лучше меня, мои внуки, боюсь, что будут гораздо лучше меня! При этом не важно, кем именно они будут. Важно, что у них больше возможностей размышлять. Они могут позволить себе меньше думать о хлебе, чем мы после войны думали. Если я религиозную

философию начал узнавать только в восьмидесятые годы по наводке своего друга философа, то у них уже есть возможность в шестнадцать лет это читать, думать и отвечать на свои вопросы.

Есть такой нескромный взгляд на историю, когда идеальной считается та ситуация, в которой мы сейчас живём, и всё, что было до этого момента, становится как бы предысторией. Такое восприятие очень сложно преодолеть. Как думаете, есть способ перенаправить этот вектор?

Это ложный взгляд, потому что вариантов развития истории может быть множество. Когда Лев Платонович Карсавин сидел в лагерях в Коми, он написал почему-то: «Наша жизнь есть решающий час бытия». Вряд ли он имел в виду, что живёт в самое лучшее время. Он предостерегал: если люди, которые живут сейчас, не сделают чего-то важного, то история прервётся.

Мне представляется, что для нас нить понимания прервалась, когда была выброшена из сознания Первая мировая война. С таким пробелом невозможно постичь историю. Меж тем мы живём в реалиях и результатах этой войны. Вторая мировая была только выпусканием крови из славян. Пролив кровь, мы ничего не изменили, а вот Первая изменила нашу судьбу. Как можно из войны сделать фантом? Пока мы не соединим концы, пока не поймём, что такое Первая мировая война, в которой воевали наши деды и прадеды, мы будем существовать в разорванной нити. Мы такие, какие есть, потому что так закончилась Первая мировая война для России. А могла и иначе, потому что альтернативная история, повторяю, существует.

Вы родились в СССР, жили в нём и, наверняка, за эти годы было много хорошего. Неужели Вы полностью отрицаете его как нечто негативное?

Я отрицаю его фальшь и безнравственность, двоедушие и лицемерие. И не отрицаю его

Что толку, что была «Магнитка»?! А металл иногда выплавляли бракованный. Целиком доменная печь вываливала две тонны брака. Ну как это может быть? В нормальном обществе это невозможно, а у нас возможно. А потом зато две ночи выплавляли металл сверх плана, и он был нормальный…

эволюционного развития. Я не отрицаю, что в советское время всходило солнце, была весна, расцветали цветы, что трава была зелёная и люди влюблялись, рожали детей, если нужно – через речку мост перебрасывали. Нормальная эволюция была, но, с другой стороны, это было весьма ядовитое время для сознания, для морали, для творчества. Оно ограничивало человека в мысли и не давало возможности сказать то, что ты думаешь. И это, в конце концов, убивало эволюцию.

В Союзе доцент факультета физики мог отлично разбираться в литературе. Сейчас с этим сложнее. В чём дело?

Сейчас тоже идут очень интересные процессы. Когда я играл в баскетбол в студенческие годы, у нас в команде было много физиков. В шестидесятых все физики были страшные атеисты. Уж они доказывали, что Бога нет! Ведь всё подчинено законам: ядро делится, потом что-то вращается, потом притягивается, потом отталкивается, потом взрывается – и получается атомная бомба.

Но вдруг современные физики обнаружили, что в этом их ядре все физические законы не стоят ни одной копейки. В квантовой механике в результате опытов выяснилось, что одна и та же частица никогда не идёт из пункта А в пункт Б по одному и тому же пути. Хоть двадцать восемь миллиардов раз прогоняют её, она всегда будет идти совершенно иначе. Никакому закону здесь не объять такое метание частицы. Или вот ещё: одна и та же частица, оказывается, иногда сколько-нибудь весит, а иногда не весит ничего – вес куда-то девается. Таких парадоксов учёные открыли десятки и пришли к простому выводу: если нет физического закона, тогда это же Бог! Он управляет движением частиц, Он даёт или отнимает массу. Вот тогда они перевернули фронт, и сейчас многие физики очень богобоязненные люди. Потому что они Бога нашли внутри, в малом.

Вполне возможно, что когда-нибудь они смогут это объяснить. Разве с помощью таких вещей можно и нужно доказывать существование Бога?

А не надо ничего объяснять. Вот объясните, почему вы иногда весите сорок пять килограммов, а иногда ноль. Можете вы мне это объяснить? Не можете. Вот так и физики.

разрушенный клуб
(д. Сосновка Слонимский район)

ВЕРА

2

Самое важное – много ли он думает о покаянии и не претворяет ли он его в действие? Пусть эта свинка поваляется в своем раскаянии. Если у него есть к тому склонность, пусть напишет о нём книгу. Это прекрасный способ обезвредить то, что Враг посеял в сердце человека. Пусть он займётся чем угодно, кроме активного действия. Ни воображаемая набожность, ни душевный подъем не повредят нам, если мы помешаем им укрепиться в человеческой воле. Как сказал один из людей, активные привычки повторение укрепляет, а пассивные ослабляет. Чем чаще он погружен в чувства, не связанные с действием, тем меньше он способен к действию и в конечном итоге тем меньше он способен к чувству.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ СЕМИЛЕТ

ИСПОВЕДЬ

в душе и не только

Ко мне как-то пришёл знакомый (часто подвожу). Врач. Был на войне. Он многое повидал в жизни. Пришёл пьяный. Причину не скажу: ещё свежа рана. Моя жена предложила ему поесть супа – и он не отказался. Но вместо того, чтобы съесть такой вкусный свежеприготовленный суп, он заговорил. О своей жизни. О прошлой. Пережитой и незабытой… Он говорил и говорил, а я как юнец сидел и кивал «дакая». После того как он раскрыл мне себя, я понял: «Да ведь для него это была исповедь!». Ему было сложно прийти в храм, но вот в таком состоянии смог рассказать о некоторых своих поступках. Мне думается, не из-за гордости раньше не говорил, а потому что сильно виноват. Эта неожиданная исповедь за миской супа меня поразила.

Разумеется, это не пример для подражания и не повод полагать, что настоящая исповедь та, которая происходит в пьяном виде за обедом у батюшки. Но видна другая сторона медали: Господь приводит к покаянию, причём каждого по-разному, порой, даже нежданно для самого кающегося. Мне захотелось побыть на минуточку протестантом с советским прошлым (но только на минуточку!) и задать себе вопрос: зачем нужна Исповедь, если главное – это покаяние в душе? – и ответить на него, обратившись к истории.

Козёл отпущения

Покаяние не является отличительной чертой христианства. Христианство многое приняло в свою культуру из иудейской среды. Для евреев до Христа и современников апостолов покаяние имело несколько проявлений.

Общественное покаяние сопровождалось участием в ежегодном празднике великого дня очищения Йом Киппур. В этот день приносились особые очистительные жертвы. Важным элементом ветхозаветного покаянного культа был «козёл отпущения». В отличие от иных жертв, животное не сжигалось. Его отпускали в пустыню, куда он забирал все грехи народа Израиля (Левит 16,21-22).

Существовало и индивидуальное покаяние, подразумевавшее осознание греха и признание в нём, исправление его добрым поступком и участие священника в очищении согрешившего путём жертвоприношения (Числа 5,6-8). Причём, роль священника, пророка заключалась в постоянном напоминании о покаянии (2 Царств, 11-12 гл.; Исайя 1, 11-18).

Что дальше?

Время Нового завета – это пространство событий жизни и смерти Христа, Его учеников и их последователей. Потому мы, люди XXI века, христиане этого завета. Наш чин Исповеди намного сложнее, чем акт покаяния учеников Спасителя и всех тех, кто принимал звание христианина до XVII века. Но неизменно одно: покаяние не ограничивается личным, оно неразрывно и с общественным, которое проявляется в богослужении Церкви. Этот принцип действует 2013 лет. Иоанн Креститель крестил в покаянии. По воскресении Христа новых членов общины принимали через исповедание грехов (Деяния 18,19). Как пишет апостол Иаков, признание в грехах происходило друг пред другом, то есть в церкви (5,16). Не в простой беседе одного христианина с другим, а за литургическим, богослужебным собранием общины, прихода. Акт покаяния так же, как и раньше, состоял не только в исповедании грехов, но и в их отпущении. Если раньше власть отпущения грехов имели священники и пророки, то в Новом завете ей были наделены самим Христом апостолы. Из слов Евангелия узнаём, что отпущение грехов происходило через апостолов при содействии Духа Святого (Иоанн 20, 22-23).

После времени жизни и трудов апостолов власть отпущения грехов передаётся их последователям – епископам. Начиная с III века – священникам. В том же столетии появляется специальная должность священника-духовника, в обязанности которого входило исповедовать публично отпадших от Церкви после крещения в период гонений императора Декия. В IV веке должность упразднили, как скомпрометировавшую себя. Её отмена, по словам церковных историков Созомена и Сократа, сделала исповедание грехов перед причастием необязательным. Верующие стали причащаться по суду совести.

Вообще древнему христианству свойственно многообразие форм покаяния. К IV веку появляется и тайная исповедь, к которой прибегали для исповедания помыслов. Существовал и обычай исповеди пред несколькими священниками.

Так или иначе, но Исповедь как Таинство для древнего христианства I-VI веков в таком понимании, какое оно вкладывалось в Евхаристию и Крещение, станет восприниматься не сразу. Такое осмысление придёт с появлением исповедального Устава, приписываемого перу патриарха Иоанна Постника (ум.595 г.).

Теперь

Теперь же священник, совершая таинство, читает письменно зафиксированные молитвы Исповеди строго по порядку из книги под названием Требник. Есть пять основных прошений. Первой молитве более 15 веков. Вот её русский перевод:

«Боже, Спаситель наш, Ты, через пророка Твоего Нафана покаявшемуся в своих согрешениях Давиду прощение даровавший и покаянную молитву Манассии принявший! Сам и раба Твоего [или рабу Твою] (имя), кающегося [или кающуюся] в совершённых им [или ею] согрешениях, прими с обычным Твоим человеколюбием, не взирая на всё, им [или ей] соделанное, отпуская неправды и покрыв беззакония. Ибо Ты сказал, Господи: «Я совсем не хочу смерти грешника, но чтобы он обратился и был жив», и что до семижды семидесяти раз должно прощать грехи, потому что величие Твоё беспримерно и милость Твоя безмерна; если же Ты, Господи, будешь замечать беззакония, то, Господи, кто устоит? Ибо Ты – Бог кающихся, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь».

Создавая образы покаяния на примере царей Давида и Манассии, автор строк молитвы переносит их на современного грешника, призывая его к надежде на милосердие Бога. Молитва ходатайствует словами о каждом покаявшемся.

Вторая молитва не менее древнего происхождения. Она же в качестве заключительной входит в состав чина Литургии апостола Иакова.

«Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, Пастырь и Агнец, подъемлющий грех міра, долг простивший двум должникам и грешнице даровавший отпущение грехов её! Сам, Владыка, ослабь, отпусти, прости грехи, беззакония, согрешения вольные и невольные, совершенные сознательно и по неведению, через преступление и ослушание этими рабами Твоими. И если они, как люди, в плоть облечённые и в мире живущие, обольщены были диаволом в слове ли или в деле, сознательно или по неведению; или слово священника нарушили, или оказались под священническим отлучением, или под собственное отлучение подпали, или под клятву были подведены, Ты Сам, как Благой и Незлобивый Владыка, этих рабов Твоих словом разрешить благоволи, прощая им и их собственное отлучение, и клятву по великой Твоей милости. Так, Владыка, человеколюбивый Господи, услышь нас, молящихся Твоей благости об этих рабах Твоих, и презри, как многомилостивый, все согрешения их, избавь их от вечной муки. Ибо Ты сказал, Владыка: «Что бы вы ни связали на земле, будет связано на небесах, и что бы вы ни разрешили на земле, будет разрешено на небесах. Ибо Ты – один безгрешный, и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцом, и всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь».

Здесь уже наряду с ходатайством, молитва несёт и разрешительный мотив.

Третья малая молитва читается священником лицом к народу. Тем самым слова её становятся актуальными для каждого слушающего. Молитва напоминает кающемуся, что не священник прощает грехи, но Бог. А священнослужитель только свидетельствует о покаянии. Подчёркивается и то, что необходимо вспомнить и назвать свои грехи, ничего не утаив.

«Вот, чадо, Христос здесь невидимо стоит, принимая исповедь твою; не стыдись и не бойся, и ничего не скрой от меня, но, не уклоняясь, открой всё, что соделал ты, – и получишь прощение от Господа нашего Иисуса Христа. Вот и икона Его перед нами, я же только свидетель, чтобы засвидетельствовать перед Ним всё, что ты скажешь мне; если же что скроешь от меня, то впадёшь в двойной грех. Итак, будь внимателен, – ибо ты пришёл в лечебницу – чтобы не уйти тебе не исцелённым».

Слова предпоследней молитвы Исповеди направлены своим ходатайством на освобождение человека от рассказанных перед священником грехов.

«Господи, Боже спасения рабов Твоих, милостивый, и щедрый, и долготерпеливый, сожалеющий о наших беззакониях, не желающий смерти грешника, но чтобы он обратился и жил; Сам и ныне умилосердись над рабом Твоим (имя), и дай ему образ покаяния, прощение и отпущение грехов, прощая ему всякое согрешение, как вольное, так и невольное, примири и соедини его со Святой Твоей Церковью во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым принадлежит Тебе мощь и великолепие ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь».

Завершается акт исповедания грехов возложением епитрахили, а потом и руки на голову кающегося с чтением разрешительной формулы:

«Господь и Бог наш, Иисус Христос, по благодати и щедротам Своего человеколюбия, да простит тебе, чадо (имя), все согрешения твои, и я, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Эта молитва появилась впервые в чине Исповеди только в XVII веке. Её нет в греческой традиции. Появление такой молитвы в славянских рукописях приписывают митрополиту Петру Могиле.

Тайна исповеди

В Республике Беларусь тайна исповеди – это конституционное право гражданина страны (Закон о свободе совести и религиозных организациях, статья 39). Такая форма доказала временем свою исцеляющую практичность. В такой атмосфере человеку и без того переживающего сильное духовное потрясение намного легче переступить через свой страх и полностью довериться участию пастыря в таинстве.

Часто у человека нет возможности высказаться в спокойной обстановке доверительной беседы. Это проблема современных приходов. Что не говори, а тайна исповеди порой рушится прямо на глазах, а вернее, в ушах всех, кто стоит в толпе, ожидая своей очереди. Заодно со священником приходится свидетельствовать о грехах глуховатой старушки, которая вещает на весь храм. Суть исповеди – её таинственность и особенность момента – рушиться и тогда, когда всё та же толпа создаёт внутри себя обстановку схожую с той, что твориться в очереди за дефицитом. В такой ситуации разговор священника с человеком перестаёт быть беседой: нет возможности задать вопросы и понять суть проблемы, дать совет и просто ободрить. Потому многие приходы вводят традицию исповеди накануне вечером перед Причастием. После Всенощного или во время его, не в спешке.

Впрочем, есть проблема похуже: нежелание признавать за собой грехи имеет куда более серьёзные последствия для души человека.

О главном

Главное в Исповеди – это не многообразие форм и молитв, а сама беседа с духовником, её спасительное свойство. По-разному строится исповедь.

Есть форма беседы, когда священник задаёт наводящие вопросы. Если следовать богослужебному тексту Таинства, то именно так и предписывается священнику исповедовать. Есть даже вопросы, которые должен задавать священник.

«Скажи мне, чадо: не был ли ты еретиком или вероотступником? Не держался ли вместе с ними, их молитвенные дома посещая, поучения слушая, или книги их читая? Не любишь ли чего-нибудь из мірского больше Творца своего? Не лжесвидетельствовал ли ты? Не нарушил ли какого обета, Богу данного? Не кощунствовал ли над Божественными Писаниями?

Скажи мне, чадо: не убил ли ты человека намеренно или невольно?

Скажи мне, чадо: не украл ли ты чего, и клялся, что не делал этого? Или другой украл, а ты взял у него украденное?

Скажи мне, чадо: не клялся ли ты, и как клялся – по своей воле или невольно и вынужденно? Не предал ли немощного в руки сильного? Не обижаешь ли кого? Или обидел – в торговых делах или в чем ином?»

Но несмотря на это, вопросно-ответную методику ведения исповеди нельзя признать совершенной, что показала сама история. Такой подход годится в том случае, если речь идёт о первом опыте покаяния, когда человек не знает, как и в чём ему каяться, когда кается ребёнок. Такой вариант подходит в случаях приёма в лоно Церкви иноверцев или отступивших от неё. В иных ситуациях священнослужитель вынужден как бы угадывать чужие грехи. А если человек не может назвать свои проступки, то вывод один – он не готовился к Исповеди, не пересматривал свою жизнь перед тем, как прийти с покаянием. Да и потом человек сможет понять, какой он есть, только если сам определит и назовёт свой грех. Это разумно. Ведь зачем кому-то каяться в том, чего он, может, и не совершал и не совершит никогда в своей жизни. Часто бывает наоборот: «Каюсь, батюшка, во всём согрешил и словом, и делом, и помышлением, прости!». Порой это даже сопровождается обильными слезами, но грех так и не увиден.

Самой распространённой формой исповеди является беседа в свободном духе, когда священник слушает исповедь. В данном случае есть прекрасная возможность высказать все свои грехи и ещё раз осознать степень своей зависимости от них, понять свою немощь и полностью положиться на волю Бога. А для священника и в таком формате есть место для вопросов и советов, наставлений и даже наказаний (епитимий). Важно то, что человек готовился, изучал себя самого перед приходом в храм к таинству.

.

Покаяние в душе

Покаяние от души – искреннее. Такое чувство делает исповедь полной и максимально полезной для самого исповедника. Однако искренность ещё надо воспитать в себе. Не всякий будет вот так просто рассказывать о себе «хорошем» перед свидетелем его дел и мыслей. Честность воспитывается поступками добродетельными. Их результат – созидание доброго, нравственного.

Не хватает современнику правдивости. То и дело покаяние превращается в ритуал: таинство воспринимается как магическое заклинание или набор внешних действий. Выполнил строго по порядку и всё – ты спасён. Такоё понимание свойственно протестантам, а ещё больше сектантам. С этой «технологией спасения» приходит на исповедь и «советский человек». Долгие годы он не знал, что гордость – это грех. Что коммунизм – это некачественная копия Библии. И теперь, преодолев падение «изма», он нашел место своему мировоззрению в христианстве, в его таинствах. Покаяние такого типа верующих – очень серьезное испытание для священника. Ведь привыкли жить по заповедям уголовного кодекса, считая остальное мелочью и пустяком. Так и приходим к пастырю с длинным введением в покаяние и кратким раскаянием по УП СССР, УПК РСФСР.

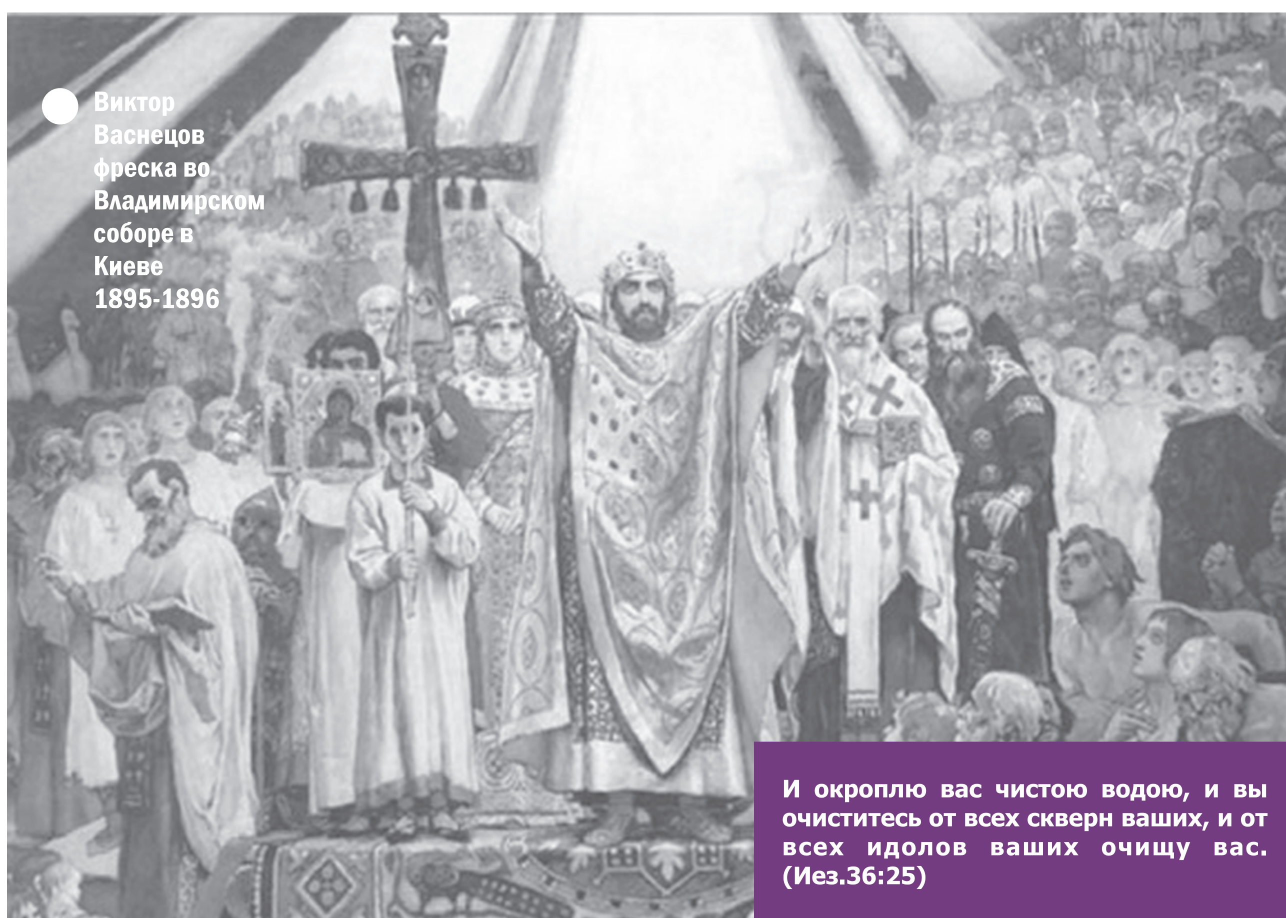
Да конечно, слава Богу, что и так приходят они. Ведь Господь видит сердца. Но и священник на исповеди – это не продвинутая модель робота-исповедальни. Он – видимое свидетельство того, что Бог простил грехи покаявшемуся человеку.

Господь так премудро устроил. Для материалиста оставил видимое доказательство отпущения грехов, в которых тот покаялся в душе. Ведь не может человек с нарушенным духовным зрением принимать решения вроде: «Так! Я вот тут покаялся! Всё, вижу, что мне простили!». Это дело в компетенции Его Церкви.

СВЯЩЕННИК СВЯТОСЛАВ ЕВТУШИК

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

глазами художника

Виктор Васнецов фреска во Владимирском соборе в Киеве 1895-1896

И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. (Иез.36:25)

Нестор Летописец в своей «Повести временных лет» очень подробно описывает исторические события тысячелетней давности. Это вдохновляло и вдохновляет художников передать словесные картины языком красок. Рассматривая эти произведения искусства, мы можем наблюдать две точки зрения на крещение Руси: церковную и светскую. Поговорим о них подробнее.

Церковное видение крещения Руси представлено в духовном контексте. Иначе говоря, в иконографических изображениях отражено не столько событие, сколько его духовный смысл. Такого типа иконография появилась ко времени празднования 1000-летия крещения, поэтому сегодня мы имеем только новописанные иконы. Здесь на фоне храма (не известно Ильинского или Софийского) изображены одновременно три разновременные личности: апостол Андрей, равноапостольный князь Владимир и его бабка равноапостольная княгиня Ольга. Равноапостольными их называют за их труды в распространении Евангелия на Руси. Ниже справа и слева с иконами и крестами предстоят христиане разных сословий и званий. Их на момент крещения было уже немало. Об этом говорит «Повесть временных лет»: «…призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие своё, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его – сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Хазар, – это была соборная церковь, так как много было христиан – варягов» (русскими или росами изначально назывались варяги, а потом уже по правящей династии варягов называли и славян).

Среди них изображены и святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, которые своими трудами просветили Русь. Трудясь в Болгарии и Чехии, они составили славянскую азбуку и перевели Священное Писание и богослужебные книги на понятный для славян язык. Как известно, тогда у славянских народов языковые различия были минимальными. Об этом свидетельствует то, что и сегодня в Поместных Православных Церквах славянского мира богослужение совершается на церковнославянском языке.

На иконах изображаются и другие святые, жившие и прославившиеся уже после известных событий. Этим крещение Руси представляется не как однодневное событие, но как процесс христианизации Русского народа. К примеру, справа на иконе изображаются благоверные князья-мученики Борис и Глеб. В средине иконы – воды Днепра с крещающимся в них народом. На берегах стоят епископы и священники, совершающие таинство Крещения. Они держат в руках книги, выражая этим проповедь Евангелия. На некоторых иконах справа и слева изображены пещеры, из мрака которых выходят люди и направляются к воде, где будут крещены. Тем самым изображена «тьма неведения», из которой выводятся «сущие во тьме» (Ис.42:6-7).

В отличие от духовного видения, светские умы пытаются вырисовать детали истории: «На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы». Но каждый художник оставляет за собой право самому быть автором этих событий. В сравнении с иконографическим видением Крещения Руси, картины

Крещение Руси икона 1988 иконописец игумен Зинон

Вячеслав Назарук «Крещение» 1988

светских художников отличаются вольностью мысли и фантазии, страстностью и отвлеченностью на второстепенные детали. Так, у Перова мы видим в первую очередь обнаженные фигуры мужчин и женщин в водах Днепра. «Античный» взгляд художника совершенно отстранен от сути таинства в частности и от христианкой целомудренности вообще.

Для сравнения на иконах крещающихся мужчин и женщин изображают раздельно. Или, по крайней мере, женщины одеты в длинные сорочки либо обёрнуты в покрывала. Это привлекает внимание к сути сюжета.

Художник Клавдий Лебедев делает упор на игру светотеней, поэтому картина представляется статичной, застывшей. У современных художников Вячеслава Назарука, Николая Мартынова, Романа Кравчука и Михаила Шанькова другая позиция. Они также делают попытку дословного летописного изображения, придерживаясь при этом меры приличия.

Стоят отдельного внимания две работы Назарука, сочетающие в себе историческую достоверность и тщательное изучение образов и в то же время живую динамику. В работах он изображает события, происходящие практически одновременно: на первой – свержение и поругание идола Перуна, на второй – крещение киевлян. Вот собственные комментарии художника:

«В картине «Проводы Перуна» изображен момент доставки идола к реке по Андреевскому (Боричеву) спуску. Волхвы тщетно пытаются противостоять ходу события. Действия оппозиции блокированы княжеской дружиной во главе с воеводой Добрыней (он сидит на вороном коне), но основная часть киевлян нейтральна и не противится проведению литургии. Добрыня – Киевский воевода, отец Малки (жены Святослава), от которых родился князь Владимир Красное Солнышко. Сам князь не отважился принимать личное участие в уничтожении последнего пантеона Ведических богов. Воины князя оттесняют народ от идола, сталкивая его в воду и с внутренним

содроганием повторяют: «Выдыбай, боже», т.е. «выплывай». Идол поплыл по течению к порогам. Очень может быть, что он и сейчас находится там».

«В картине «Крещение» изображён момент начала литургии на берегу Почайны на месте потопления Перуна ранним утром 1 августа 988 года. Первые группы людей заходят в реку. Это событие наблюдает Князь Владимир с супругой Анной (дочерью Византийского императора). Позади них изображён переносной православный храм, перед входом в который красуется знак Христа, несущего мир в круге вечности, имеющем начало и конец. Корсунский священник, сложив пальцы обеих рук в знаке «Иисус Христос», крестит воду, небо и землю, стоя на круглом коврике «Орлеце». За ним движется процессия русских и византийских священников, замыкающаяся князем с супругой. По обе стороны от процессии представители старшей дружины, молящей о Божьей и княжьей милости, а всю эту элиту охраняет младшая дружина, не позволяющая соединиться народу с властьимущими».

Домыслы художника выдают его некомпетентность в вопросах православной веры и истории. Картины замечательные, но лучше бы их комментировали зрители.

Нельзя обойти вниманием и художника Виктора Михайловича Васнецова, сочетавшего академический стиль письма с иконографией. Несмотря на реализм светского художника, его работы (иконы) имеют глубокий внутренний символизм. Возьмём картину крещения Руси во Владимирском соборе в Киеве. В отличие от художников Николая и Владимира Величко, изобразивших на своей картине шествие на реку и крещение киевлян, почему-то со спины, Васнецов изображает это событие практически как соборную икону в фас. Центральное место здесь занимает князь Владимир с супругой. У их подножья совсем незаметно изображены крещающиеся киевляне, вокруг – священники, епископы, видны даже монахи, поющий хор, воевода с дружиной на конях и на ладьях. А дальше множество народа на склонах киевских гор, вдали виднеется и храм. Венчает весь этот сюжет лучезарное облако с восседающим на нем Христом в сонме ангелов.

Художественное видение этого исторического и переломного момента в жизни наших предков порождает всё новые произведения искусства. Примеры таких картин, а вернее сказать, тем для картин у разных художников: «Крещение княгини Ольги», «Великий князь Владимир избирает веру», «Крещение князя Владимира». Также сюда можно отнести и образные (портретные) работы художников, изображающие князя Владимира и княгиню Ольгу.

Николай и Владимир Величко «Крещение Руси» 1988

БОЛЬШОЙ РЕПОРТАЖ

3

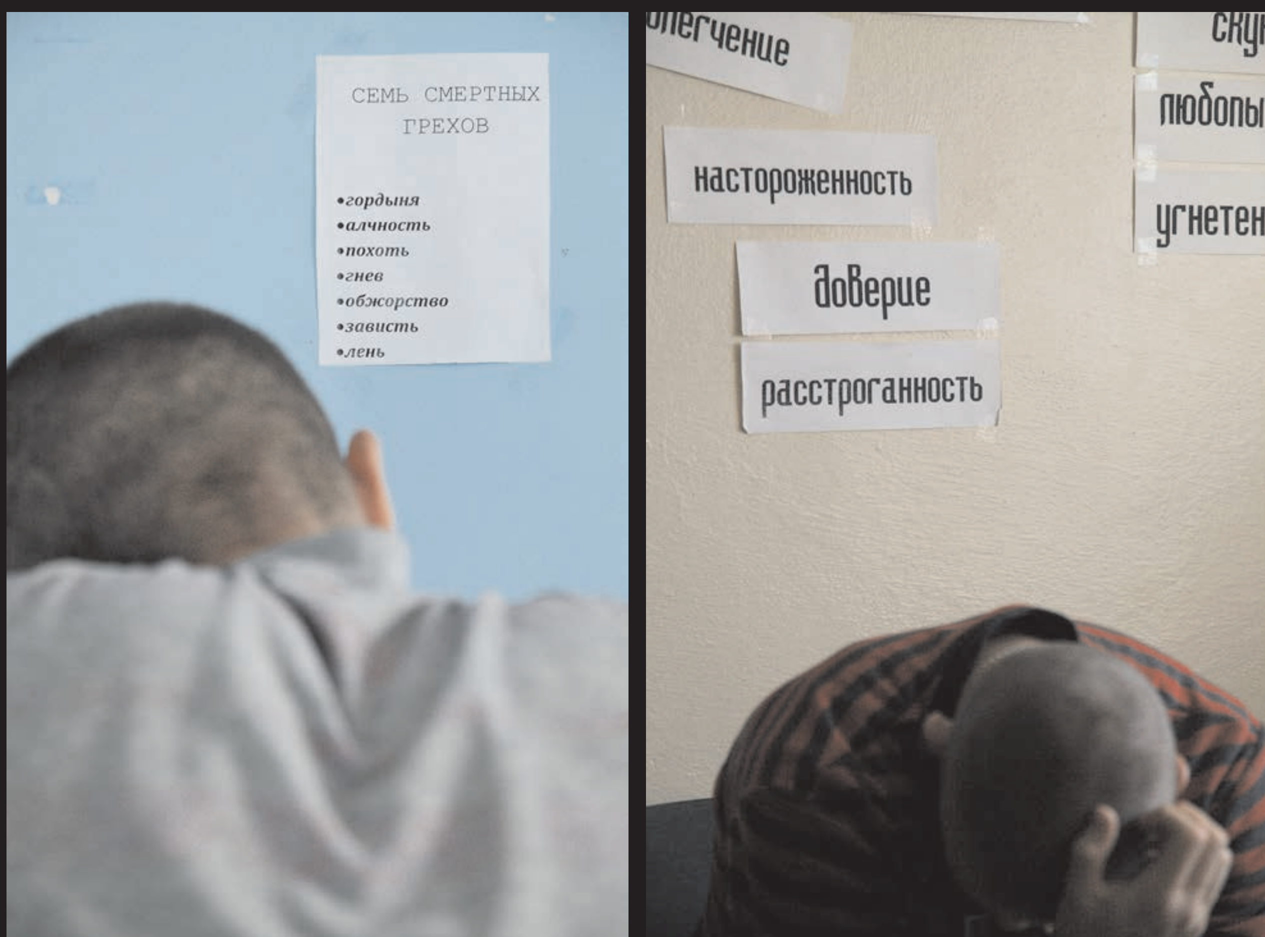

Когда рассеянность наполняет его мысли, побуди его сопротивляться ей простым усилием воли и продолжать обычную молитву, как ни в чём не бывало. Если же он осознает свою рассеянность как подлинную проблему, обратится с ней к Врагу и сделает её главной темой своих молитв и борьбы, тогда ты не приобрёл, а потерял. Всё, даже грех, может приблизить человека к Врагу и отдалить от нас.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

ЕЛЕНА БАБИЧ

ЧТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ?

«Анастасис» келья и класс для занятий

ПРИЧИНЫ

КИРИЛЛ: В 21 год я зарабатывал колоссальные деньги и смотрел на всех людей свысока, потому что понимал, что в таком возрасте мало кто может позволить себе столько. Я вообще себя считал непобедимым, божком каким-то, думал, что я всё могу. Когда в 2009-м произошёл кризис, мои доходы упали и меня сократили. Я сменил офис и дорогой костюм на работу монтажника. Это был мужественный для меня поступок, но чувство уважения к себе серьёзно пострадало. Параллельно с финансовым начался кризис в отношениях с любимой девушкой.

У меня внутри это всё накопилось, и однажды я попробовал алкоголь. Я понял, что становлюсь пофигистом. Когда я был трезв, мне было больно и неприятно, я пытался что-то изменить. Теперь я перестал всё менять вообще. Когда мне становилось печально, я пил.

АНДРЕЙ: Я заболел, мне сделали пункцию спинного мозга, но из-за передозировки метотрексата меня полностью парализовало. Я пролежал три года, потом с горем пополам поднялся и через два года начал ходить. Я поступил в минский торговый колледж, отучился, приехал в свой город и устроился на работу. Тут такой карьерный рост у меня пошёл! Уже тогда в жизни присутствовал алкоголь. Было почти как обязательство: если праздник, то надо выпить, если горе, то тоже. Я не чувствовал никакой проблемы. Меня уважали, ещё и пальцем показывали, мол, смотрите, Андрей откуда поднялся и где сейчас.

“Анастасис” келья

рабочая обувь

Появились деньги, новое общество, где без застолий деловые вопросы не решались. Если договоры подписаны, материалы в полном объёме поставлены с отсрочкой платежа, то для организации ты – лучший специалист! Ну, и как же такому специалисту не простить ма-а-ленькую погрешность…

ПАША: Я знал, что все крутые парни в нашем районе – наркоманы, и думал, что, если буду употреблять, тоже буду крутым. А когда попробовал, решил, что наркотики – это моё. Я чувствовал себя под наркотиками суперменом. Я принимал стимуляторы и не спал месяцами: у всех неделя за неделю, у меня неделя – за две. Я успеваю делать намного больше, я успеваю тусоваться, все девушки мои, я просто звезда. Возвышаешься над другими, ощущаешь своё превосходство.

ДНО

КИРИЛЛ: Сначала пил дорогой коньяк. Когда пропил всю свою зарплату, полез в карман посмотреть, остались ли у меня деньги на то, чтобы опохмелиться. Утро, голова болит, очень плохо. И в кармане нашёл 60 рублей. Я пошёл в магазин и на эти 60 рублей купил себе бутылку портвейна. Я её покупал, и мне было настолько стрёмно, что я так опускаюсь, что я теряю свою жизнь. На работу иду в итальянском костюме, с работы через две недели в этом же костюме, только заблёванном. Я всё время себя как-то уважал, но вот это…

ПАША: Я тусовался по клубам, играл на игровых автоматах, но начал понимать: что-то мне мешает жить. Всё валится из рук. Ничего не интересовало в жизни, кроме употребления наркотиков: добыть бы ещё и потусоваться. Меня тогда захватывала жизнь в экстриме. Были передозировки, меня откачивали. Однажды 40 минут был без сознания. Скорую не вызывали, решили, откачают так откачают, а если нет – выкинут.

Когда начались эти проблемы, я наконец осознал, что не могу ни дня прожить без наркотиков. До этого я хотел стать наркоманом, а теперь понял, что у меня и выхода нет другого, я не могу уже хотеть или не хотеть кем-то быть, я уже есть.

ЛОЖЬ

ПАША: Потом начался саморазвод. Я ходил на собрания группы АА и с виду был образцовым выздоравливающим. На самом деле ездил «мутиться», а потом шёл на собрание и всем рассказывал, как я избавляюсь от зависимости. Очень скоро лгать стало невыносимо, и я перестал ходить на собрания. Я начал закалываться, потому что не мог остановиться. Закалывался до полного безумия, пока меня не обрубало. Дозировки были такие, что не знаю, как жив остался.

АНДРЕЙ: Первая фантазия алкоголика – это «я не алкоголик». Ну, а если я не алкоголик, значит, могу выпить сто грамм. И всё начинается заново. Я сам уже не различал, где в моих словах и действиях правда, а где ложь, что хорошо, а что плохо. А если употребить, то на все мои вопросы находились, притом такие, которые меня устраивали. Алкоголику удобно лгать себе. Это миф, и в этом мифе люди просто погибают.

"Анастасис" трапезная

ТЕОРИЯ АБСУРДА

КИРИЛЛ: Возил меня брат на кодировку. А перед кодировкой я в Интернете онлайн консультировался с врачом, который мне говорил, что это фигня. Тебе сделают укол, потом иди, пива попей, и ничего с тобой не случится. Зная это, я всё равно поехал, хотя у меня было искреннее желание бросить пить.

ПАША: Две недели до кодировки нельзя употреблять. Помню, боялся из дома выйти эти две недели – знал, чем это закончится. Меня отвезли к Хадоркину. После кодировки мне стало интересно, что со мной будет, если я употреблю. Первым делом я вышел и съел таблетки. Ну, меня разломало, мне нормально, и я поехал колоться.

АНДРЕЙ: У меня за плечами уже был паровоз болезней, но это не останавливало. Не знаю, почему я напрочь забывал и про близких, и про работу. Это как провал. Как в компьютерной игре управлять героем: вот он бежит, преодолевает препятствия и вдруг в один момент летит в пропасть. Выхожу из больницы, и у меня рождаются новые планы: мне надо зайти в кабак, чтобы выпить вина. Нормальному человеку этого не понять. Когда я не был в зависимости, тоже не понимал, как можно взять деньги, чтобы купить себе еды и отдать это на спиртное. Я не знаю, что это за сила... Нет страха даже перед смертью. Безразлично, что и как будет дальше.

«АНАСТАСИС»

КИРИЛЛ: Когда я приехал в «Анастасис» и узнал, что нельзя пользоваться мобильной связью и Интернетом, у меня был шок. Что без меня девушка в Москве будет делать?! Короче говоря, я решил остаться здесь на месяц. Заплачены деньги, поэтому я буду всё съедать есть на завтрак, обед и ужин и задавать кучу вопросов, чтобы просто «отбить своё бабло». А через месяц уеду обратно в Москву – только так.

Но спустя месяц я понял, что не могу зависеть от отношений с девушкой. Что эти отношения могут портиться изо дня в день. И что тогда? Мне спиться и умереть? Я понял, что это нужно только мне. Я хочу жить и могу изменить свою жизнь.

Тогда спросил себя, что будет, если я поеду сейчас в Москву? Да меня примут, да я всем по ушам проеду, мол, выздоровел и всё понял. И через месяц опять сорвусь. Я понимаю, что девушка рано или поздно скажет, что я ей такой не нужен. Но мне хочется семью. Я хочу быть примером для своих детей. Мне хочется что-то полезное в жизни делать не только для себя, чтобы душа чем-то наполнялась, чтобы от этого было приятно мне и другим людям.

АНДРЕЙ: Сначала я приходил на занятия и тупо повторял то, что говорят другие. Не то чтобы у меня на самом деле было чувство надежды или разочарования... Да кто его знает, что это такое! Что услышал, то и сказал. Так происходило около месяца. Потом я стал задумываться. Сделал первую работу. Написал всё честно. И... прям полетел. Мне так легко стало. Очень скоро я понял, что мне хочется

здесь быть. Меня не волновали проблемы, которые остались в прошлой жизни.

Раньше я выходных ждал ну… как Выходных! Это планировалось с понедельника. А сейчас я жду воскресенья, чтобы в церковь поехать. Я не знаю, что случилось, но мне хочется в церковь. Я долго думал, как бы мне избавиться от прошлого, от тех друзей, от всего того бытия, в котором я жил. Сейчас это меня абсолютно не волнует. Отвалилось как-то это само по себе.

ПАША: Я не знаю, хочу ли я продолжать заниматься дизайном. Чем я хочу заниматься, так это работать над собой. Вижу, как меняюсь я и как меняется моё отношение к миру.

БОГ

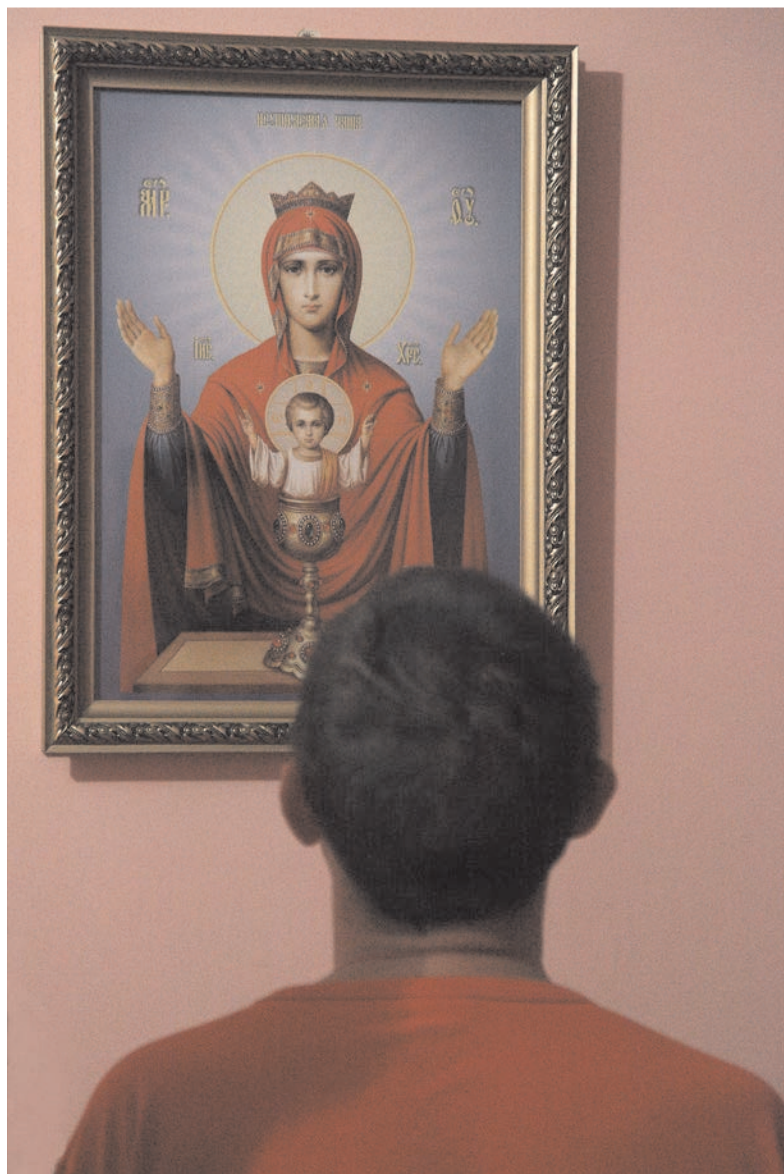
ПАША: Когда я сюда приехал, слово Бог не мог сказать. Говорил «Высшая Сила», «Высший Разум», «Дух Вселенной», мне не нравилось слово Бог. Но у меня есть представление о том, во что я верю. У меня есть характеристики Бога, которые я признаю. Он любящий – ну, это как ни крути! Он немного стебётся надо мной, Он защищает меня, Он весёлый, Он не желает мне зла, это я уже заметил.

АНДРЕЙ: Мне проще, когда есть правда. Когда есть Господь и промысел Божий. Это Господь так решил, и пусть так будет.

ВЕРА

ПАША: Когда работал в монастыре, я думал, что верю в Бога. На самом деле не было веры. Потому что если вера появилась, я думаю, потерять её нельзя. Всё шло, по-моему, хорошо: я иногда мог употребить наркотики, выпивал. У меня была такая идея: скоро я съезжу в Иерусалим, поднимусь на Голгофу и исцелюсь. Я поднялся, но ничего не произошло. Тогда я решил, что Бога, наверно, нет. Люди прикладываются к иконам и исцеляются, а я подвиг совершил – и ничего. И с того момента я начал активно колоться. В том числе и прямо в иконной мастерской. Ничего святого, когда начинаешь употреблять.

КИРИЛЛ: По субботам я тусовался в клубах, но каждое воскресенье отправлялся к брату, и мы ехали вместе причащать девчонок. Я сам не исповедовался и не причащался, но молился, мне было от этого легче. Я просил Господа о помощи, шёл с молитвой предпринимать какие-то действия. У меня получается, думаю «Слава Тебе, Господи!» и иду дальше. Но потом появились люди, которые называли себя христианами и много говорили о том, как мне следует жить, а сами при этом жили совершенно иначе. Тогда у меня пропала вера. Здесь я снова её обрёл настолько, насколько она мне опять нужна. Я материалист и жду всё же каких-то результатов от своих просьб. И я реально их вижу! Ну как тут не верить?

“Анастасис”
молельная комната

МЕРТВЕЦКИ ТРЕЗВЫЕ ЛЮДИ

Развала Союза Сосновка не пережила. Она его переживает. Здесь всё «когда-то» было «чем-то». Вот там свалка советского «социнвентаря» «когда-то» была клубом, вот тут «когда-то» была школа-интернат, и вообще «когда-то» огромной красной звездой во лбу всего Слонимского района здесь горело передовое хозяйство. Подозреваю, что в Сосновке «когда-то» были даже сосны, но, очевидно, очень-очень давно. Единственное, о чём здесь говорят не только в прошедшем времени, но и в настоящем – невзрачное двухэтажное здание из кирпича с табличкой «Центр реабилитации зависимых от алкоголя и наркотиков «Анастасис».

В поисках центра пришлось общаться с местными. Едем по просёлочной. Навстречу парень. Игорь бросает взгляд на неуверенно приближающуюся фигуру, медленно высовывается из окна автомобиля.

- Э.. а Вы не знаете, где у вас здесь «Анастасис», центр…?

-???

- Ну... реабилитации…

Прохожий пожал плечами и ушёл. Я с недоумением смотрю на Игоря, мол, «что за мутный вопрос?»

- Ну, понимаешь, я не хотел его обидеть…

Ещё немного проехавшись по Сосновке, мы начали понимать, что милосердие фотокора может обойтись нам дорого, ибо кроме потенциальных обиженных нам никто не встречался. В конце концов удача – и вот мы в «Анастасисе». Обременив собой здешнее общество почти на три дня, мы попытались узнать, что значит помогать алкоголику выздоравливать «по-православному».

трудотерапия

КАИ И ГЕРДЫ

Вкратце это значит следующее: берём 12-шаговую программу реабилитации Анонимных алкоголиков (или АА), находим в её содержании словосочетание «Высшая Сила» и рядом в скобках дописываем «Господь наш Иисус Христос». После скобки ставим снежинку, внизу пишем сноску «Рекомендовано принять во внимание».

Директор центра Сергей Владимирович Алексеев сам выздоравливающий алкоголик – так здесь принято называть человека, у которого есть проблема – носит на груди значок в виде верблюда. Оказалось – символ движения АА. Толкуется очень романтично: животина может не пить сутки, а чтобы попить, становится на колени. Терминология, символика, разного рода лозунги, заимствованные у анонимных алкоголиков, здесь повсюду, но любимое слово всех обитателей центра – «программа». Главное заимствование и краеугольный камень, на котором здесь основано всё или почти всё. Самые новые новички относятся к программе с подозрением, новички постарше – с интересом, а у «старичков» при любом упоминании о цифре 12 загорается взгляд и в голосе появляется придыхание.

Реабилитанты обычно очень хорошо помнят дату приезда в «Анастасис» и «статью», по которой «сидят». Даже если на занятии им нужно сказать всего одно слово, обязательно представляются с указанием этой «статьи»: «Евгений, алкоголик» или «Петя, наркоман», и только теперь слово. Чтобы не забыть. Забыть для зависимого самое страшное. Если забудешь – всё, ты проиграл. Все, кто имеет отношение к центру: и пациенты, и специалисты – в один голос утверждают, что выиграть на 100% невозможно никогда, но если умело держать оборону, то можно

на занятиии

научиться жить со своей болезнью. Правда, для этого нужно сначала вообще научиться жить. В «Анастасисе» считают, что эта способность пропадает годам к 45-и, поэтому слишком взрослых к себе не принимают.

Разговариваю с директором ребцентра Сегреем Алексеевым

– Кто такие алкоголики? Это дети. У них детское мышление, детские страхи и капризы. Тело их взрослеет, а душа нет. Плюс употребление влечёт за собой и страх, вину и стыд. Но алкоголик не хочет этого испытывать и создаёт для себя иллюзорный мир, в котором ему удобно жить без чувств. Он не умеет переживать.

– Неужели алкоголик ничего не чувствует?

– Скорее он не знает, как правильно выражать то, что у него внутри. Вот и выражает всё матами. Поэтому мы пытаемся помочь пациентам «разморозить» чувства: научиться различать их, называть своими именами, обращать внимание на то, как тело реагирует на те или иные переживания.

Задача упрощается тем, что вся стена в классе для занятий облеплена табличками со словами «радость», «грусть», «усталость» и в этом духе. Почему-то среди этих табличек висит и одно весьма лаконичное руководство к действию – табличка побольше, на которой шрифтом «для слепых» написано: «Повесь мозги на стену». Без понятия, что это значит и каким образом это начинает работать, но вскоре многие делают для себя небывалые открытия:

– Случается всякое: один в задании написал: «сегодня я увидел корову». Вы знаете насколько было приятно! Ему 38 лет, а он первый раз корову увидел. Хотя жил где-то в районе, где коров этих… Он их просто не замечал, они ему были неинтересны, – говорит Сергей Владимирович, потягивая из чашки крепкий кофе.

В это время в комнате уже собрались 9 человек: 8 реабилитантов и один Виктор, он же консультант, он же заместитель директора, он же алкоголик. В прошлом у Виктора бурная история употребления и нешуточная попытка суицида – парень загнал себе в живот нож с лезвием в 13 см и чудом не задел ни одного жизненно важного органа. Тогда в больнице познакомился с первым в своей жизни анонимным алкоголиком. Виктор немного заикается и очень громко звенит

кухня

связкой ключей, которая всегда при нём. Много говорит об анонимных алкоголиках и о том, как программа двенадцати шагов изменила его жизнь.

– Вокруг меня всегда было много людей, в сущности, мне не было скучно жить, но внутри я всё равно был одиноким. И вот когда ты приходишь и видишь точно таких же людей, тебе тепло от этого. Я просто полюбил анонимных алкоголиков. Для меня теперь это жизнь.

Слово «жизнь» вырвалось из Виктора так, будто ему только что вытащили кляп изо рта.

Итак, в комнате 9 человек. Чтобы понять, кто алкоголик, а кто наркоман понадобилось секунды две: семеро со скрещенными руками и ногами готовы, кажется, провалиться сквозь землю из-за нашего присутствия, двое наоборот очень уверены в себе. Позднее получу скудный комментарий психолога: «Понты у наркомана остаются на всю жизнь. Понты и спесь».

Впрочем, очень скоро и позёрство, и стеснение заканчиваются, начинается нормальный разговор. Здесь нельзя перебивать или просто говорить, когда вздумается, – всё начинается с поднятой руки. Пациенты по кругу называют свои чувства, неизменно вглядываясь в стену, ту самую, на которую предлагается «повесить мозги». Видно, что некоторым очень тяжело. Есть бодрые и уставшие, разговорчивые и не особенно эмоциональные, но вне зависимости от своего состояния все делают то, что должны, очень смиренно.

Слушаем аудиозапись с речью анонимного алкоголика, что называется, выше среднего уровня: что-то о страхах и женщинах. Потом все стараются вспомнить и назвать свой основной страх. Ещё немного такого общения – и молитва Высшей Силе, которую произносят взявшись за руки. Это единственный момент, когда в течение дня звучит словосочетание «Высшая Сила», все остальные молитвы (утренние, вечерние или перед трапезой) обычные православные.

У «Анастасиса» официальный церковный статус и положение при Свято-Успенском Жировичском монастыре. При этом всем хорошо понятно, что человека с асфальтовой болезнью с тротуара на небо сразу не забросишь, но подсадить можно. Каждый новоприбывший реабилитант подписывает «бамажку» о том, что обязуется подчиняться всем установленным здесь правилам. Помимо всего прочего в эти правила входит участие в молитве и посещение храма.

В Центре есть молельная комната с иконами, лампадами и аналоем – всё как положено. Выкрашена розовым, только задняя стенка у самого входа здорово вытерта.

– Это новички своими... спинами повытирали. Придут, присядут... Мы не хотим их насильно воцерковлять, но приходить они обязаны. Возле церкви тоже сидят. На морозе бывает. Никто из них никогда не жалуется. Вот так два месяца посидит, а на третий глядишь и заходит. Смотришь, свечку купил, смотришь, отдельно стал перед иконой, молится. Читают утреннее и вечернее правило. Некоторые даже на церковнославянском. Зачем это надо им, я не знаю, но мне радостно, когда в них что-то рождается. Нужно действовать очень осторожно – человек должен полюбить Церковь. Многие выходят отсюда, пытаясь воображать, что они Её полюбили, но на самом деле этого нет. Впрочем, всему своё время.

Сергей Алексеев

директор центра “Анастасис”

смыслы слов

Уже вечером первого дня в нашем лексиконе появились выражения «быть в употреблении», «сохранить трезвость», «быть в сухости», «обнулиться», «спонсор», «выздоравливающий наркоман», «фундамент чистоты» и прочее. Анонимным алкоголикам, как какой-нибудь народности, впору составить собственный разговорник. При этом в разговорнике вы легко найдёте слово «болезнь», но не найдёте слова «лечить».

Объяснением смысла слов в «Анастасисе» занимается нарколог и психолог Григорий Григорьевич Небоженко, седовласый мужчина с мягким прокуренным баритоном и доброжелательной улыбкой. Григорич – «свой человек» и местный авторитет. 15 лет назад он перестал «лечить» и начал «помогать» снова же благодаря знакомству с АА. Вообще складывается впечатление, что у людей «Анастасиса» какая-то поразительная

совместимость: они как пазлы подходят друг другу и появляются здесь, когда наступает их время.

– Мне надоело осознавать, что я не могу лечить. Поэтому я перестал грузиться тем, что люди не хотят лечиться , перестал тянуть человека к трезвости. Я беседовал, работал, шёл вместе с ним, но если он стоит на месте, здесь я бессилен, – твёрдо констатирует Григорич.

Во время занятия с психологом никто не говорил об алкоголизме. Ситуация больше походила на урок на психфаке с растолкованием пучка смыслов: что такое контроль, манипуляция, совершенство. «Это для того, чтобы они правильно понимали слова и стремились соотносить их со своими действиями – не обманывали себя», – поясняет Григорий Григорьевич, – а пить… Пить я никогда не начинал, поэтому не знаю как бросить». Григорич человек самодостаточный и уверенный в себе, единственная его тревога о том, «что будет дальше»:

Григорий Небоженко психодог центра

– Многие реабилетанты уезжают отсюда и дальше ничего не делают. Они думают, что всё сейчас само произойдёт.

– Почему?

– Потому что лень. Теперь они знают правду о себе, и алкогольное «не могу» поселяется на улице «не хочу».

На собраниях анонимных алкоголиков принято бравировать сроками трезвости: «Я не пью десять лет!», «Я три месяца!», «А я три дня!». В случае срыва, соответственно «на колу висит мочало», но пить до реабилитации и после неё – две большие разницы. Пациенты говорят, что, как бы там ни было, но спокойно выпить они уже не смогут, во всяком случае, такого кайфа, как раньше, не будет. Как минимум потому, что появились знания и опыт трезвости. Обратная сторона медали в том, что болезнь прогрессирует и эмоциональная нагрузка увеличивается. Православный психолог и нарколог Илья Жлобович комментирует свои опасения по поводу срывов: «Каждый последующий срыв будет тяжелее предыдущего. Это может быть сделано кратковременно, но более интенсивно: будет больше выкурено и больше выпито».

Приходит на ум одно смешное сравнение: зависимость – это что-то похожее на тоннель в ушах. Сначала прокалываешь дырку, вставляешь серёжку, потом кольцо, кольцо побольше и так далее, пока мочка не превратится в огромную дыру от бублика. Жить с бубликом в ухе не особенно удобно, но если снять, неудобно вдвойне. Пустота всегда должна быть чем-то заполнена вне зависимости от того, насколько это нормально. В песне украинской группы «Транс-Формер» есть строчка: «Я заповнив вином те місце, де була душа». Похоже, что зависимость – тот самый случай. Если убрать вино, то нет ничего удивительного, что на место души вдруг станет «программа». Григорию Григорьевичу это кажется нормальным:

– А я хочу, чтобы они зависели от программы. Потому что это положительная зависимость: это смена круга общения, смена взгляда на жизнь.

Тринадцатый шаг

Психотерапевта Илью Жлобовича пациенты ребцентра, мягко говоря, недолюбливают. Как минимум за кардинальность методов работы. Кардинальность заключается в том, что Илья Николаевич считает, что «Анастасис» – это необходимый, но не последний для зависимого шаг. 13-й шаг – жизнь на подворье православного монастыря или в самом монастыре самое малое год. Психолог предлагает «выдернуть» человека из программы, когда тот может стать от неё зависимым.

– Там везде красной нитью проходит мысль о том, что человек должен научиться жить с этой проблемой, что это неизлечимо, но я считаю, он должен иметь надежду уйти от болезни и получить шанс на полное исцеление. Что будет, когда через три месяца наркоман вернётся домой? Большинство людей слабы противостоять своим друзьям, которые посадили их на иглу, наркобарыгам, наркодиллерам, которые толкали им дурь, девушкам, которые склоняли их к употреблению. Очень тяжело отказаться от старой жизни. Маленькие дорожки всё равно ведут к ней, поэтому именно сейчас важно полностью сменить своё окружение.

– Неверующего можно отправить в монастырь?

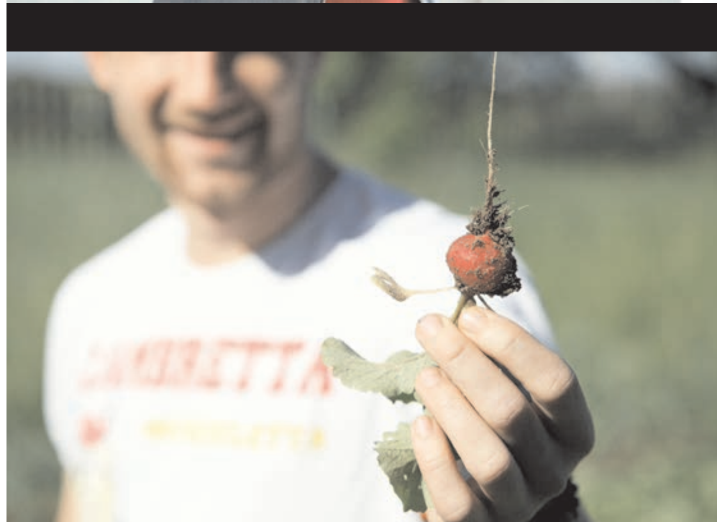
– Нет, нельзя.

– Тогда что с ним делать?

– Делать его верующим. К сожалению, я знаю много примеров постоянных рецидивов, когда люди идут только по программе. Но я знаю намного меньше рецидивов, когда люди шли с верой. Ознакомившись со всеми методами реабилитации и лечения зависимых, я пришёл к тому, что только вера даёт потрясающий результат. Но для этого нужно осознать это самому. Для этого нужно самому открыть сердце Богу. И здесь вера в Бога позволяет им приобрести тот авторитет, против которого они боятся пойти. Тот контролёр, который является для них всеобъемлющим. Они чувствуют помощь, они начинают верить в бессмертие, они начинают верить в грех, понимать, что такое хорошо, что такое плохо. У них начинают формироваться классические моральные ценности.

Есть случаи, когда невозможно действовать по-другому. Если не поступить кардинально, человек умрёт. Здесь нужно брать топор и рубить. В такой ситуации наркология – это хирургия.

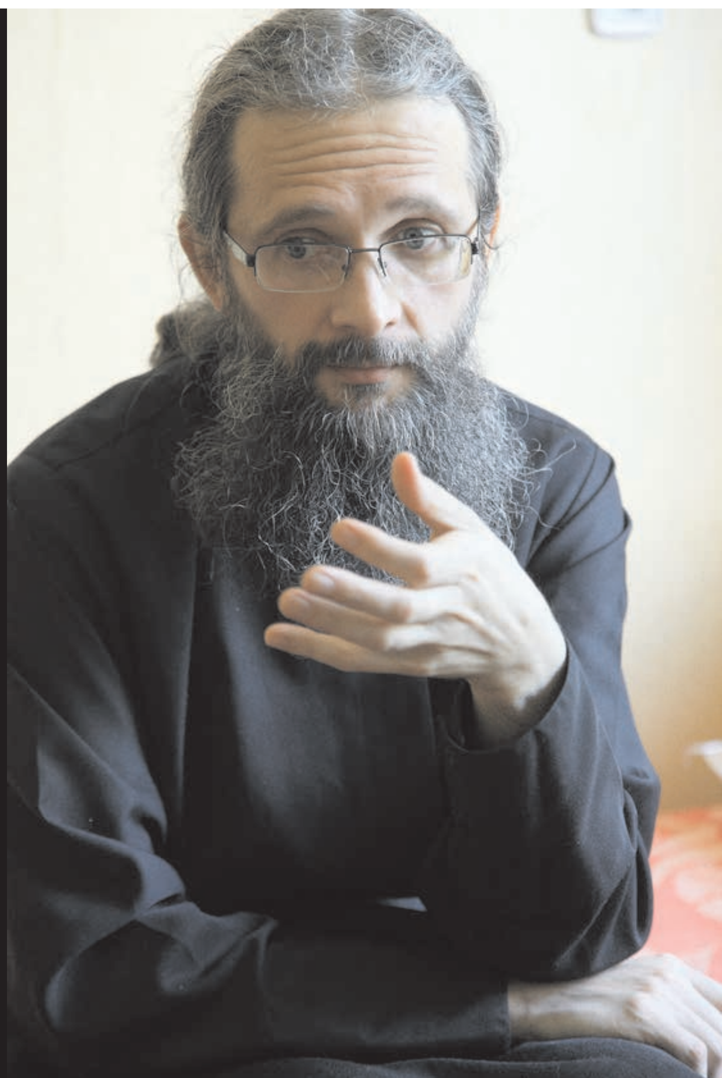
трудотерапия

Мурка

ТЕРАПИЯ и/или религия?

духовник центра иеромонах Евстафий (Халиманков) о разграничении понятий

**иеромонах
Евстафий (Халиманков)
духовник "Анастасиса"
преподаватель МинДС**

– Почему православный центр реабилитации зависимых пользуется 12-шаговой системой АА?

– Аскетическую методику борьбы с чревоугодием (сюда же относится и алкоголизм) Святые Отцы разработали во всех нюансах. Но сегодня даже мы, монашествующие, читая святоотеческие книги, не можем по ним жить. Что уж говорить о сумасшедшем ритме жизни в миру, о диком напоре греха! Для того чтобы освоить истины, о которых пишут Отцы, мирянину нужны годы подвижничества. Но где эти годы возьмёт человек, у которого сейчас конкретная проблема – пьянство?

И вот стандартная ситуация: он приходит в храм за помощью. Что ему священник может предложить? «Вот тебе, дорогой, акафист перед иконой Божией Матери «Неупиваемая чаша» и молитвочки мученику Вонифатию против пьянства». В лучшем случае брошюрку какую-нибудь даст дореволюционную. Для человека, у которого мозги в алкогольном чаду, это всё благочестивое чтение на непонятном церковнославянском языке – китайская грамота. Он воспринимает это чисто магически и, попив святой водички, ждёт чуда. Чаще всего этого чуда не происходит, потому что Бог ждёт, что человек сам изменится. А как меняться человек не знает. Ему говорят: «Живи по заповедям Божиим», а он не понимает, что это за заповеди, и не вдумывается в смыслмолитв. Получается трагическая ситуация: мы человеку даём блюдо, которое он не может съесть.

Да и вот в чём беда: мы с людьми и хотели бы работать, но просто не знаем как. И вот тут находятся эти анонимные алкоголики. Откро-

молитва перед трапезой

венно говоря, не всё мне близко в этих методиках. Но мы работаем с ними уже пятый год, и я вижу результат. И там, где мы, священники, не справляемся, справляются эти группы. Их программа чётко разработана и понятна любому современному человеку, религиозному или нет. В этом её уникальность. Никто из бывших пациентов не застрахован от того, что снова запьёт, но, по крайней мере, у них появляется надежда. Человек получает опыт трезвости и систему, по которой он дальше может работать над собой.

– Анонимные алкоголики могут помочь неверующему?

– Сознательных атеистов очень мало. Но проблема в том, во что люди верят. Мы, православные христиане, считаем истинной только веру в Господа Иисуса Христа, Который основал Православную Церковь и до сих пор действует в Ней и спасает нас. Для анонимных алкоголиков это не обязательно. Но смысл в том, что эта программа нерелигиозная. Чисто медицинская вещь. Здесь нет задачи привести человека к Богу. Цель – исцелиться от алкоголизма.

– Тогда Бог – Средство.

– Да, и это немного коробит. Но Господь перед нами смиряется. Большинство людей, которые приходят в храм, смотрят на Бога как на Средство. И если мы вспомним Евангелие, то увидим, что Он всегда это принимал и говорил: «Я пришёл не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить» (Матфея 20:28). Господь готов служить, и Он это делает постоянно. Он идёт на то, чтобы быть средством для нас.

Вопрос в том, что дальше? Если заканчивается только этим, тогда это тупик. Это всё равно, что студент поставил свечку за экзамен или мама заказала сорокоуст о больной дочери. Сработало и до свидания. Потому мы должны думать о том, что будет с этими людьми после того, как эта программа им поможет. Здесь начинается наша основная работа. Если мы ими не займёмся, ими займутся сектанты, что уже и делают с большим успехом. Анонимные алкоголики уже давным-давно существуют при разных молитвенных домах, и люди потом становятся сектантами. Такая есть у нас болезнь: бить себя кулаком в грудь, говорить какие мы крутые и при этом ничего не делать. Вот что грустно.

Безусловно, есть вещи, которые могут настораживать в этой программе православного христианина, и здесь, я думаю, мы должны как люди Церкви просто помочь.

Мне кажется, эта программа – вещь чисто медицинская, что-то похожее на обыкновенную терапию с помощью медпрепаратов.

– Если в какой-то методике есть Бог, её хочется воспринять как религию.

– Да, и тогда это страшно. Когда эту программу воспринимаешь как последнюю инстанцию, когда её обожествляешь, пиши пропало. Всё, что заменяет Бога, становится идолом. Так вот программа, безусловно, должна стоять как минимум на втором месте. На первом месте у человека всегда должен стоять Господь. Но алкоголик, как правило, ничего не знает о Боге, поэтому не услышит Евангелие. Зависимого надо сначала привести в человеческий вид. И уже потом, грубо говоря, катехизировать. Вот представьте, приходит человек с опухшим лицом, его колотит. Он понимает, что уже пить не может. И не пить не может. Просто человек дошёл до ручки. И что, будешь говорить ему о Боге? О Троице? О природе Церкви? Для него всё это – пустые слова. Его реально сейчас надо просто вывести из ямы.

– О чём Вы говорите с пациентами?

– Я говорю с ними именно как православный священник. По программе тут работают специалисты. Я эту программу знаю немногим лучше, чем вы, поэтому я просто выполняю свои обязанности. Практически как в воскресной школе. Пока они здесь находятся, моя задача – насколько это возможно, их воцерковить. Некоторые священники больше разбираются в программе и связывают программу и православное вероучение. Наверное, это более эффективно для пациентов, но я сознательно этого не делаю. Я считаю, что для них важнее получить не какое-то там адаптированное христианство, а христианство в его нормальном классическом виде. Я тоже какое-то время сравнивал 12 шагов с заповедями блаженств. Скажем, «Блаженны нищие духом» и первый шаг «вы осознали своё бессилие перед алкоголем». Как человек творческий, начинал делать разные далеко идущие выводы, но потом понял, что это лишнее. Программа программой, а православное христианство православным христианством. Не надо смешивать воду и елей.

– С первой минуты в «Анастасисе» меня не покидает ощущение, что зависимость – это та ситуация, когда все страсти, которые у

келья

вечернее правило

всех нас внутри, несколько увеличиваются в прогрессии и становятся видны невооружённым глазом. Какая разница, где они и насколько велики, всё равно и у зависимого, и у здорового одна проблема…

– Вот что меня в этих людях восхищает, так это то, как они серьёзно относятся к борьбе с конкретной страстью. Ведь по идее мы должны относиться так ко всем страстям – брать довлеющую и воевать с ней. «Работать», как бы здесь сказали. Ведь как только начинаешь бороться с собой, вдруг обнаруживаешь, насколько ты немощный человек. Преподобный Марк подвижник сказал, что попытка жить по заповедям Евангелия научает человека его немощи. В монастыре много таких ситуаций: до прихода в обитель человек замечательный, а потом начинается такое! Идёт вразнос: грубит, ожесточается, его начинает выворачивать. Вылезают наружу страсти и грязь. Потому нам бы тоже хорошо иметь какую-то духовную методику и в монастыре, и на приходе, как это выработано здесь. Опытные духовники как-то интуитивно создают такую программу.

– Многие пациенты говорят, что не могут положиться на Бога. Как думаете, почему?

– Проблема в том, что почти ни у кого нет веры. Если бы она была, то человек пришёл бы в храм, прочитал акафист, приложился к иконе и исцелился. А как эта вера может возникнуть, если ты не знаешь, в кого верить? Как я могу полюбить какого-то абстрактного человека, о котором я ничего не знаю? По крайней мере, я должен о нём узнавать, встретиться с ним. У меня тогда есть шанс его полюбить. То же самое с Богом. Как можно верить в непонятного Бога?

– Меня настораживает мировоззрение тех, кто здесь давно.

– Меня настораживает зависимость от этой программы. Многие её критики говорят, что человека просто с одной зависимости пересаживают на другую. И конечно, в этом плане очень важно подхватить людей, чтобы они росли, чтобы они не зацикливались на этих анонимных алкоголиках. Чтобы они увидели, что перед ними открывается огромная перспектива. Пока они в трезвом состоянии, есть возможность какое-то зёрнышко в них посадить. Конечно, тут не может быть грандиозных ожиданий, но надежда, что кто-то станет по-настоящему верующим человеком, есть. Поэтому мы и работаем.

ОДИН ДЕНЬ
из жизни батюшки

фоторепортаж Игоря Ждановича

Иерей Игорь Волошин, настоятель храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Вороново.

"В городке, где 85% населения католики, 15% "наших" оказываются особенно сплочёнными, да так, что процент воцерковлённых людей получается даже выше, нежели там, где все сплошь православные", - говорит отец Игорь Волошин, в гости к которому "ПОКОЛЕНИЕ" напросилось с огромной камерой нашего Игоря Ждановича. Батюшка любезно предоставил вездесущему объективу фотокорреспондента свой день.

Куды? Адкуль?.. —
маўчанне.
Не дасць адказу час.
Стаю — і сам пытанне,
іду — і сам адказ.

А. Разанаў

Мэта мэты — станавіцца ўсім жыццём.

А. Разанаў

Жыццё кожны раз падводзіць чалавека да краю жыцця, нагадваючы, што яно не самамэта, што жыць, каб адно толькі жыць, нельга. Чалавек «далейшы» за жыццё, і не можа ён сцвердзіцца ў ім інакш, як толькі пераадольваючы, пераўзыходзячы яго.

А. Разанаў

Не страціш сутнасці сваёй —
Тварыць і сам перастварацца...
Зжыві сябе — каб іншым жыць.

Л. Галубовіч

О, калі б кожны памятаў, што вечны ён!

Н. Мыцяш

Смерць — нонсенс, але жыццё раіцца з ёю.

А. Разанаў

Ёсць імгненне жыцця, і імгненне смерці, і імгненне веры ў вечнасць жыцця.

У. Караткевіч

Нарадзіўся каб памерці. Але развітваюцца са светам, калі па-Божаму, як дагарыць свечка жыцця.Калі аддасі сваё цяпло спадчыннікам. Калі сэрца перахварэе каханнем. Калі спазнаеш свята душы. Калі ты ў нейкім і ў нечым прадоўжыш сябе на Зямлі.

У. Ліпскі

І што ёсць на свеце мілей за цябе, пара маладога жыцця, калі душа яшчэ нявінная і чыстая, як ранішняя майская роска?

Я. Колас

Палову жыцця падаюся ў свет, палову — варочаюся са свету,
Палову жыцця пішу па дарозе свае імёны,
Палову — закрэсліваю напісанае,
Палову жыцця расту ад зямлі, палову — расту з зямлёю:
І ўсё менш ува мне мяне, і ўсё больш бязмежжа.

А. Разанаў

Нам не дадзена двойчы жыць,
Але дадзена нам неўміручасць.

Н. Тулупава

НАШЫ ПРИХОДЫ

4

Он учит их ходить и должен убрать Свою руку.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

АЛЯКСАНДР ГОРНЫ

СТРАСЦІ вакол Мураванкі

Эпізод з гісторыі Маламажэйкаўскай Свята-Раства-Багародзіцкай царквы

Бадай, кожнаму ў Беларусі вядома, што зямля Гродзеншчыны славіцца сваімі архітэктурнымі скарбамі ва ўсёй Еўропе. Магутныя замкі Сярэднявечча, старажытныя храмы ўжо ні адно стагоддзе цешаць вока сваёй веліччу і хараством. Адным з такіх архітэктурных цудаў з'яўляецца Маламажэйкаўская царква, больш вядомая пад назвай Мураванка, якая была пабудавана ў XVI стагоддзі як праваслаўны храм-крэпасць. Здавалася б, яе гісторыя напісана ўжо падрабязна, аднак, нягледзячы на гэта, па-ранейшаму ў яе лёсе застаюцца моманты, якія патрабуюць глыбокага гістарычнага асэнсавання. Асабліва гэта датычыцца XX стагоддзя, якое прынесла царкве спрэчкі дзвюх канфесій і бязбожнае спусташэнне.

ля
Мураванкі

У энцыклапедыях і даведніках адным сказам можна прачытаць, што ў 1920-х гг. Маламажэйкаўская царква была перароблена пад касцёл. Гэтыя словы, аднак, не перадаюць усю тую трагічнасць, якая суправаджала канфіскацыю праваслаўнай царквы і перадачу яе католікам. Да сённяшняга часу фактычна нідзе падрабязна не адлюстраваны тыя "жарсці", якія літаральна кіпелі вакол гэтай перадачы. На падставе архіўных матэрыялаў і дадзеных з тагачаснай беларускай прэсы паспрабуем аднавіць сівую даўніну і прыадкрыць яшчэ адну старонку гісторыі Маламажэйкаўскай царквы.

У 1921 г. Заходняя Беларусь паводле ўмоў Рыжскага мірнага дагавора ўвайшла ў склад Польшчы. Польскія ўлады адразу ж распачалі на гэтых землях палітыку нацыянальнага і канфесійнага ўціску. Зачыняліся беларускія школы, пераследваліся актывісты нацыянальнага руху, а таксама праваслаўныя святары, на якіх глядзелі як на антыдзяржаўных агітатараў. Пад уплывам уладаў рыма-каталікі пачалі стыхійна адбіраць праваслаўныя храмы, якія раней належалі ўніятам, і перарабліваць іх пад касцёлы. Гэты працэс атрымаў назву рэвіндыкацыі. Па падліках толькі ў першыя гады польскага панавання на "ўсходніх крэсах" было адабрана каля 400 храмаў. Здараліся, часам, парадаксальныя сітуацыі: некаторыя з адабраных цэркваў стаялі пустымі, бо ў той ці іншай мясцовасці не было значнай колькасці каталіцкіх вернікаў. Многія лічылі, што працэс рэвіндыкацыі не закране Мураванку з той простай прычыны, што яна была першапачаткова пабудавана як праваслаўная царква ды ў ваколіцах пераважала праваслаўнае насельніцтва. Аднак віражы гісторыі бываюць, часам, непрадказальнымі.

У пачатку 1920-х настаяцелем царквы быў протаіерэй Леў Савіцкі – на той час адзін са старэйшых пастыраў Віленскай епархіі. Ён нарадзіўся ў 1841 годзе ў вёсцы Спорава Слонімскага павета, у 1863 г. скончыў поўны курс Літоўскай духоўнай семінарыі і быў прызначаны на маламажэйкаўскі прыход. З таго часу ён зрабіў капітальны рамонт храма, даследаваў яго гісторыю і тым заслужыў пашану сярод вернікаў. З пачаткам Першай сусветнай вайны святар накіраваўся ў эвакуацыю ў Расію і вярнуўся ў Мураванку толькі ў 1920 г. У віленскім архіве захаваўся анкетны ліст, складзены айцом Львом пасля вяртання, які дазваляе ўявіць стан прыхода ў пачатку 1920-х гадах: ён меў 63 дзесяціны зямлі і абымаў каля паўтары тысячы вернікаў. Цікава, што прычтам царквы абслугоўваліся яшчэ вёскі зачыненага Васілішскага прыхода. Сам жа святар жыў у трухлявым доме каля храма.

Нельга дакладна ўсталяваць, па якой прычыне ўлады пачалі рабіць захады па скасаванню праваслаўнага прыхода ў Мураванцы. Як паведамляў часопіс "Праваслаўны беларус", царква спакушала сваёй прыгажосцю чыгуначных служачых-каталікоў з суседняй станцыі Скрыбаўцы, якія, не маючы свайго ўласнага касцёла, падалі хадайніцтва каталіцкаму біскупу аб перадачы ім Маламажэйкаўскага храма. Верагодна, яшчэ адной прычынай стала "палітычная нядобранадзейнасць" протаіерэя Льва Савіцкага, якому лідскі староста (кіраўнік павета ў Польшчы) адмовіў у польскім грамадзянстве. Святары без грамадзянства не мелі магчымасці выконваць свае абавязкі і павінны былі ў акрэслены тэрмін пакінуць межы Польскай дзяржавы. Усе гэтыя акалічнасці вызначылі лёс прыхода. У 1924 г. ад яго была адабрана ўся царкоўная зямля і аддадзена ў арэнду.

Неўзабаве 10 кастрычніка таго ж году згодна з распараджэннем Міністэрства асветы і рэлігійных вызнанняў Польшчы і пры поўным паразуменні з вышэйшымі ўладамі Польскай праваслаўнай царквы праваслаўны прыход у Малым Мажэйкава быў скасаваны. Свята-Раства-Багародзіцкая царква не была залічана нават да філіяльных.

Тым не менш айцец Леў Савіцкі не пакладаў рук, каб як-небудзь ўратаваць свой прыход і пакінуць храм за праваслаўнымі. Ён пісаў заявы ў розныя адміністрацыйныя інстанцыі, разам з прыхаджанамі звяртаўся да варшаўскага мітрапаліта, урада і дэпутатаў польскага сойму з просьбай аб абароне. Улады гэта нервавала. 4 красавіка 1925 г. у доме святара паліцыя здзейснілаператрус. Праз некалькі месяцаў намеснік навагрудскага ваяводы даслаў віленскаму епіскапу Феадосію ліст з патрабаваннем перамясціць айца Льва ў іншае месца, бо той "не хоча выконваць распараджэння польскіх уладаў і праводзіць агітацыю, шкодную для дзяржавы". У сваім адказе Феадосій, спрабуючы абараніць апальнага святара, падкрэсліваў: "Он (Леў Савіцкі – А.Г.) уже глубокий старик и за свое почти шестидесятилетнее пребывание на одном месте сроднился с населением прихода… Перевод в другое место престарелого протоиерея Савицкого может быть роковым для его жизни…". Аднак фатальным для Савіцкага стала менавіта скасаванне яго ўласнага прыхода. Клопаты падарвалі здароўе 85-гадовага чалавека, ён захварэў і злёг.

Тым часам разгортвалася шырокая кампанія ў абарону Мураванкі. Вернікі пастаянна звярталіся з просьбамі не зачыняць царкву да свецкіх і царкоўных уладаў. Варшаўскі мітрапаліт Дыянісій некалькі разоў па гэтаму пытанню тэлеграфаваў навагрудскаму ваяводзе і ў Міністэрства рэлігійных веравызнанняў. У польскім парламенце ў абарону маламажэйкаўскага прыхода выступалі беларускія дэпутаты В. Рагуля і В. Багдановіч. Беларускія праваслаўныя часопісы "Праваслаўны беларус", "Праваслаўная Беларусь", "Беларуская зарніца" друкавалі матэрыялы аб Свята-Раства-Багародзіцкай царкве, у якіх заклікалі захаваць гэтую старажытную святыню праваслаўя. Аднак усе гэтыя намаганні не мелі рэальных вынікаў. Прыход паранейшаму заставаўся скасаваны, а над царквой навісла пагроза закрыцця і перадачы каталікам.

Перажыванні вернікаў яшчэ больш узмацніліся пасля смерці галоўнага абаронца царквы. У лютым 1926 г. не стала айца Льва Савіцкага. Як паведамляў карэспандэнт газеты "Беларускае слова", вестка аб яго смерці хутка разышлася па ваколіцах і выклікала вялікі смутак і жаль. Было вырашана пахаваць святара на царкоўным пагосце, дзе былі магілы яго родных і жонкі. Аднак лідскі староста забараніў хаваць нябошчыка каля царквы. Адмыслова дзеля гэтага ў дзень пахавання ў вёску была накіравана конная і пешая паліцыя. Тады вяскоўцы разам з духавенствам былі вымушаны несці цела былога настаяцеля каля 2 вёрст на могілкі, дзе ў старой капліцы ён і знайшоў свой апошні прытулак.

Паводле загаду старасты апусцеўшая царква была зачынена, а ключы ад яе павінны былі быць аддадзены мясцоваму благачыннаму. Нягледзячы на гэты загад, 25 лютага 1926 г. да псаломшчыка ў Малое Мажэйкава прыехаў камендант паліцыі і адабраў царкоўныя ключы. Не маючы ключоў, благачынны у прысутнасці двух святароў і панятых апячатаў царкву.

Тым не менш, у мясцовых вернікаў яшчэ заставалася надзея вярнуць свой храм. Праваслаўныя набажэнствы працягваліся ў невялікай капліцы на могілках, якая аднак не магла змясціць вялікую колькасць людзей. У 1927 г. царкоўныя ўлады прызначылі ў Малое Мажэйкава новага святара – выпускніка Віленскай духоўнай семінарыі Іаана Жарскага. Цікавыя звесткі наконт службы гэтага пастыра ў Мураванцы прыводзіць іерэй Фама Шаплыка ў сваёй кнізе "Радашковічы праваслаўныя": "На царкве (маецца на ўвазе Мураванка – А.Г.) былі ўсталяваны каталіцкія і праваслаўныя крыжы. А. Іаан хацеў прыбраць каталіцкія крыжы, але каталікі данеслі на яго ўладам, і ён ледзь не трапіў у турму. Пазбегнуўшы арышта, ён быў накіраваны ў мястэчка Рудомін, што ў 15 кіламетрах ад Вільні". Улічваючы нататкі Фамы Шаплыкі, які абапіраецца на ўспаміны родных святара, можна дапусціць, што ўжо ў 1926 – 1927 гг. каталікі пачалі рабіць некаторыя змяненні знешняга выгляду храма, разлічваючы, напэўна, што ён будзе належыць ім у любым выпадку. Верагодна, каталіцкія крыжы, якія збіраўся прыбраць святар Жарскі, ужо былі ўсталяваны на прытворы царквы.

Як паведамляў часопіс "Праваслаўная Беларусь", у Мураванцы была спроба арганізаваць каталіцкі прыход усходняга абраду. Летам 1927 г. у вёску прыязджаў уніяцкі святар Васіль Гапановіч і абяцаў адчыніць царкву пры ўмове падпісання паперы аб пераходзе вернікаў у каталіцкі ўсходні абрад. Аднак вернікі адмовіліся ад гэтага.

У 1928 г. улады прыступілі да канчатковага вырашэння ўсіх спрэчак вакол Маламажэйкаўскай царквы. Ім паспрыяла пасіўнасць мясцовага царкоўнага кіраўніцтва, а менавіта благачыннага Уладзіміра Жданава. Лідскі староста прывёз апошняга да храма, загадаў яму правесці ўлік царкоўнага інвентара і перадаць ключы прадстаўнікам рыма-каталіцкай абшчыны. Пасля гэтага з царквы былі выдалены праваслаўныя абразы, а каталіцкі ксёндз правёў асвячэнне новага касцёла, які атрымаў назву Ісуса Хрыста Валадара. Новая каталіцкая парафія замест Маламажэйкаўскай пачала называцца Скрыбаўскай, па назве ужо узгаданай станцыі Скрыбаўцы, дзе пражывала асноўная маса каталікоў. Захаваліся імёны каталіцкіх ксяндзоў, якія да вайны служылі ў Мураванцы: Павел Чаплоўскі, Мікалай Вагнер, Уладзіслаў Мончка. Пасля Другой сусветнай вайны храм быў на доўгія гады зачынены атэістычнымі ўладамі.

СВОЙ ПУТЬ

Улавливаешь, в чем тут дело? Благодаря процессам, которые мы пустили в ход несколько веков тому назад, людям почти невозможно верить в незнакомое и непривычное – у них перед глазами всегда есть знакомое и привычное. Набивай до отказа своего подопечного обычностью вещей. Но не вздумай использовать науку (я имею в виду науку настоящую) как средство против христианства. Наука вынудит его задуматься над реальностями, которых он не может ни коснуться, ни увидеть. Среди современных физиков есть печальные тому примеры.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

ОЛЬГА АГАПОНОВА

УЧЁНЫЕ НЕ СПОРЯТ С БОГОМ.

учёные постигают тайны Божественного мироздания

Наталья Дмитриевна Стрекаль.
Доктор физико-математических наук, доцент кафедры общей физики ГрГУ имени Янки Купалы, преподаватель воскресной школы при храме Казанской Божией Матери в Поречье.

Страх Божий

Город моего детства – Лиепая – побережье Балтийского моря. Там я выросла и закончила школу. В детстве я была председателем совета пионерской дружины и секретарём комитета комсомола. Разумеется, о вере не могло быть и речи.

Однажды, когда я ещё училась в школе, пришла к маме и сказала ей: «Бога нет». Она ударила метя по губам и запретила так говорить. Я усвоила это как урок, раз и на всю жизнь поняла, что этой темы так небрежно касаться нельзя. Появился страх Божий.

Нужен молитвенник

В юности у меня была ситуация, когда нужно было поехать на похороны моего дяди (кстати, он помогал прислуживать в храме). Почему-то в тот самый момент я почувствовала, что семье нужен молитвенник. Я наблюдала за своей родственницей, которая была осведомлена во всех церковных делах, и задавала себе вопрос: «Почему я этого не знаю?». Теперь я понимаю, что при жизни детям нужно показать путь к вере. Мне казалось, что что-то есть, что-то должно быть.

Соловки

Мой осознанный путь к Богу начался здесь, в Гродно, когда у меня было уже двое детей. Подруга пригласила меня в паломническую поездку. Она занималась православным сайтом и много рассказывала о вере. Но сколько бы мы ни разговаривали, я долго оставалась равнодушной, хотя мы и ходили в церковь на праздники всей семьей. Перед поездкой подруга предложила мне прочесть книгу Нины Павловой «Пасха Красная». Я была потрясена, и мы договорились ехать.

Первое, что Бог нам дал, это была поездка на Соловки. Мы смогли за девять дней посетить четырнадцать монастырей. Это был переворот в жизни. Я вернулась другим человеком. Мне запала в душу та молитвенная атмосфера, в которой мы ехали: чтение утреннего и вечернего правил, чтение Псалтири.

Особенно меня впечатлил один из монастырей, который только-только начал восстанавливаться. В нём в полуподвальном помещении молились люди, а наверху всё было разрушено. Нам рассказывали, что когда сюда приезжает группа паломников, все иконы плачут. Когда приехали мы, иконы мироточили. В Соловецком монастыре мы пробыли три дня. На кухне

помогали одной женщине перебирать позапрошлогоднюю картошку, чтобы у них сохранился урожай, поскольку с их тяжелым климатом вырастить что-либо было трудно. Она сказала, что нас послала ей Богородица.

«Дай мне, Господи, то, что Ты Сам знаешь»

На Соловках я впервые исповедовалась, причем в два этапа. Я осознавала себя человеком грязным и недостойным, я понимала, что мне нужна эта исповедь, мне нужно во многом покаяться. Когда батюшка прочитал мне разрешительную молитву, я поняла, что ещё очень много не сказала, а служба заканчивалась. В тот момент у меня потекли слёзы, я подошла к другому священнику, который ещё не ушёл в алтарь, и попросила меня послушать. Это было откровение для меня самой.

За много лет до этого, когда мы ещё были захожанами в храме, я просто смотрела на икону Спасителя с одной мыслью: «Дай мне, Господи, то, что Ты Сам знаешь». Я просто чувствовала, что мне всего хватает, мне не хотелось просить ни дворцов, ни коттеджей... Был и такой период, когда приходила в храм, потому что это благочестивый обычай, а к благочестию хотелось примазаться…

Дальше были и Валаам, и Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге, и Александро-Невская Лавра, и Вырица, и… ощущение благодати. Это была та поездка, после которой мне не хотелось снимать платочек.

Библия с картинками

Когда мои дети были маленькими, мы читали детскую Библию с картинками. Тогда ещё что-то сильно запало в душу. В первую очередь, Иерусалим, та земля, по которой ходил Спаситель. Мне захотелось почувствовать, что это не сказка, и приблизиться к этому. И спустя годы я поняла, что Господь дал мне посетить нашу Голгофу – Соловки. После этого я убедилась, что Он есть. Он мне дал очень много. Самый главный Его подарок – это Вера по той простой молитве: «Дай мне, Господи, то, что Ты Сам знаешь».

Почаев

Мы с мамой поехали в Почаевскую Лавру. Восемь лет прошло с того дня, как умер мой отец, но у неё до сих пор была депрессия. Мама вернулась другой. В следующую поездку отправились уже всей семьёй: и муж, и дети, и мой двоюродный брат. Потом ещё раз ездили с мужем просить благословения на венчание…

Тайны Божественного мироздания

В девяностых я уже активно занималась наукой и имела степень кандидата. Стал вопрос, идти ли дальше по этому пути. Мой брат, тогда ещё семинарист, теперь иерей Сергий Давыдик, привёл меня к владыке Артемию, который, взяв с книжной полки две Библии, благословил меня. Я считаю, что архиерейское благословение мне очень помогло.

Я считаю, что учёные не спорят с Богом – учёные постигают тайны Божественного мироздания. Многие думают, что физика может объяснить только то, как санки скатываются с наклонной плоскости. Нет, не только. На очень тонком квантовом уровне присутствие Бога ощутимо. Как обычно детям объясняют: беспорядок наводится сам, а для порядка нужно вмешательство. Например, при работе над лекарственными препаратами, я рассматривала, как взаимодействуют те или иные молекулы с ДНК в организме человека. Я понимала, что главная человеческая молекула не могла быть создана из грязи, из какой-то эволюции. Это изначально уже совершенная структура, которая не возникает из амёбы, здесь есть присутствие Бога.

Однажды я слышала от священника такую мысль: если человек занимается наукой не по карьеристским соображениям, а по творческим исканиям, по миссионерским принципам, то он непременно приходит к Богу. Услышав эти слова, я поняла, что буду следовать им, потому что Бог везде и во всём, всё проникнуто Божьим присутствием. Самое страшное в жизни, мне кажется, это не пойти по Божьему пути.

Притча

Были у меня два студента, которые сессию проваливали. Целый семестр закапывали свои таланты в землю. Я им сказала, чтобы они пришли на экзамен, во-первых, подготовленными, во-вторых, чтобы к экзамену прочитали притчу о талантах и нашли к ней толкование, а потом пересказали. Я им и ссылку дала. Один из ребят сдал экзамен хорошо, потом начал рассказывать притчу, и я поняла, что он проникся.

Благословлённый путь

Потихоньку мы с семьёй перебрались в Поречье. Стали ходить в храм Казанской иконы Божьей Матери. По Божьему Промыслу священник предложил мне заниматься с детьми в воскресной школе. Я понимала, что у меня нет ни катехизического образования, ни времени. Хотелось, чтобы Господь разрешил эту ситуацию. Когда я готовилась ехать на защиту докторской диссертации, священник благословил меня учительствовать. В первое же воскресенье после защиты я начала работать. В очередной раз рукой священника был избран путь. Теперь я стараюсь в командировки без благословения не уезжать.

ЗА ЖИЗНЬ

Кроме того, Он установил зависимость детей от родителей и побудил родителей заботиться о детях, создав, таким образом, семью, которая напоминает организм, только похуже, ибо здесь члены ещё независимей, а связанность их более сознательна и ответственна. В конце концов, это – ещё одно изобретение, вовлекающее людей в любовь.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута» отрывок из письма Гнусику

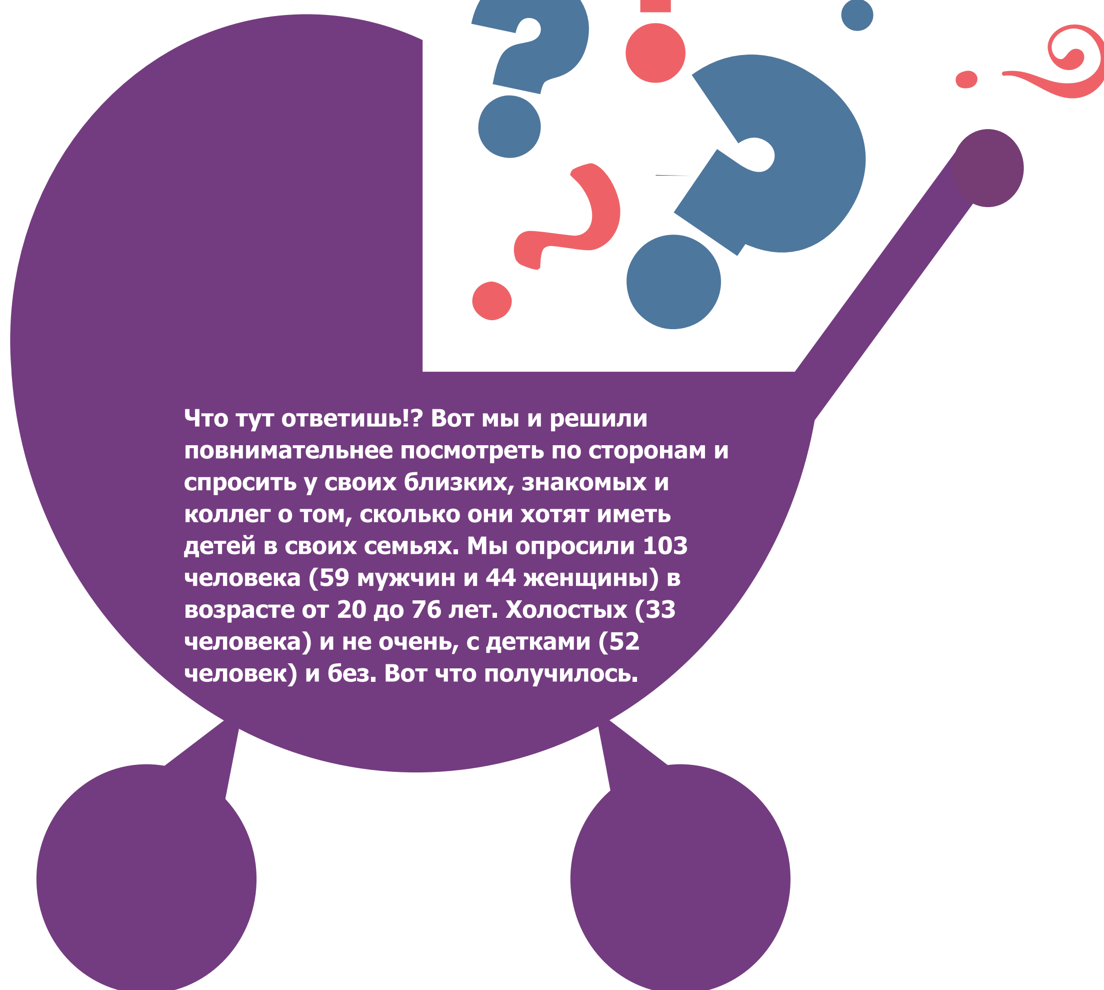
СКОЛЬКО ДЕТЕЙ нужно для счастья?

маленькое расследование семьи Буй

фото Павла Буй

Однажды, когда мы играли со своими двумя девчонками на детской площадке, нас с недоумением спросили: «А вы что, хотите троих???» В разговоре звучало: «образование», «дорого», «детям столько всего надо», «хоть одного вырастить», «маме надо сделать карьеру», «должны быть амбиции»...

Что тут ответишь!? Вот мы и решили повнимательнее посмотреть по сторонам и спросить у своих близких, знакомых и коллег о том, сколько они хотят иметь детей в своих семьях. Мы опросили 103 человека (59 мужчин и 44 женщины) в возрасте от 20 до 76 лет. Холостых (33 человека) и не очень, с детками (52 человек) и без. Вот что получилось.

Все респонденты считают, что дети в семье нужны. Никто не видит свою будущую или настоящую семью без них. Практически все говорили, что один ребёнок в семье – это уже счастье. Двое из опрошенных ответили, что детей должно быть как минимум 10!

В шести случаях опрошенные будут рады любому количеству деток, которых им пошлет Господь. Они считают, что счастье не в количестве детей, а в самих детях, поэтому склонились к ответу «как даст Бог». Нам кажется, что этот ответ близок большинству из респондентов.

Ольга, мама одного ребёнка: «Я думаю, дети – не главное для счастья, даже семейного. В ответах на такие важные вопросы стараюсь опираться на Библию. А в ней красной нитью прослеживается тема, что счастье, блаженство человека – в Боге, в отношениях с Ним. Но, несомненно, дети – благословенный подарок Господа! К сожалению, многие сейчас с этим не хотят согласиться. Вероятно, потому что Дарителя не знают».

Некоторые респонденты называли определенное количество, но при этом уточняли, что если деток у них будет больше, то они тоже будут счастливы.

Кира, мама троих детей: «Ответила бы «как Бог даст», но в то же время осознаю, что, к примеру, 7-8-9-10 всё же не для меня... Пожалуй, я очень хотела бы четверых, даже пятерых. Но, естественно, если Бог даст, то будет больше. Аборт полностью исключён».

Только двое опрошенных считают, что ограничатся одним ребенком.

Александр: «Больше склоняюсь к одному. То, что у него не будет брата или сестры он переживёт нормально, потому что привыкнет быть один. Зато в него можно вложить всё и не уделять внимание кому-то ещё».

А вот мнение ещё одного респондента, который признался, что при других условиях хотел бы больше детей: «По-моему, в нашей стране больше двоих детей в основном у тех, кто не

задумывается, чем их кормить, и вообще, кому пофиг, где они будут жить: с родителями, бабушками или в детдоме».

У многих ответ зависит от дополнительных параметров: уровня материального достатка семьи, жилой площади, карьерного роста, наличия помощников, отношений в семье, здоровья и т.д.

Екатерина, мама одного ребёнка: «Я безумно счастлива с одним ребёнком! Будь я мамой двоих или троих, наверное, смогла бы сравнить, но пока не могу. Я очень хочу троих детей. Но сейчас не могу позволить себе этого из-за финансового вопроса. Не уверена, что смогу быть счастливой абсолютно, понимая, что не даю им хотя бы чуть больше, чем необходимый минимум».

Георгий: «Источник истинного счастья (блаженства) – только Господь. Количество детей, наверное, зависит от многих факторов, включая финансовые возможности и желание родителей. Для кого-то один ребёнок будет как проклятие, если родители не понимают, как его воспитывать, а для кого-то десять будет за радость. Важно ещё и здоровье жены: не появится ли угроза для жизни, если ей придётся рожать очередного ребёнка? Вообще, в любом вопросе нужен здравый подход и понимание того, что говорит Господь о той или иной проблеме».

Андрей, отец троих детей: «Больше пяти – это сложно, тут просто отбирается вся амбициозность у мамы и остаются сплошные детские заботы. Я считаю, надо искать баланс, чтобы маме можно было бы заниматься ещё и собой. Начиная от путешествий и заканчивая карьерой. Потому что семья – это не только дети, это комфорт всех её членов».

Ирина, мама троих детей: «На какое количество детей мне хватит сил физических и моральных, чтобы они выросли достойными людьми? Пока трое детей – это почти на пределе моих сил. Сейчас меня беспокоит моё здоровье и общее состояние: недосыпы от ночных кормлений, послеродовые стрессы. Как немного отойду – можно будет и за сестричкой сходить, а то у нас перевес у мальчиков».

Все опрошенные родители, кроме одного, либо довольны количеством детей в своей семье, либо хотят больше. Один респондент заметил, что ему уже с одним ребёнком не хватает времени зарабатывать деньги.

Ольга, мама одного ребёнка: «Мне кажется, вряд ли кто-то в начале семейной жизни решает: хотим восьмерых(!) – и всю жизнь твёрдо идёт к этой цели. Но я бы (если помечтать) очень хотела и четверых, и больше, а там уж как позволят возможности. Да и даст ли Бог? Очень хорошо отношусь к многодетным семьям. Вообще считаю семью хорошей школой для христианина, а многодетную – тем более. Хочу, чтобы моя семья была многодетной. Отличное служение!».

Мария, мама одного ребёнка: «Раньше, ещё до беременности, даже до замужества, я думала, что вполне достаточно одного ребёнка. После рождения сыночка (не сразу, конечно, а сейчас, когда мы с ним уже адаптировались друг к другу) я всё чаще ловлю себя на мысли, что через несколько лет у нас обязательно будет ещё малыш, а там, кто знает… Аппетит приходит во время еды».

«Имея двоих детей в семье, я понимаю, что третьего «не хватает».

Ольга, мама одного ребёнка: «Мы с мужем считаем, что семья должна быть большой, мечтаем о четверых детках, ну и, конечно, как Бог даст: будет больше, будем счастливы. А коли здоровье матери не позволит родить столько, что ж, мы уже обсуждали, что можно взять малыша из детского дома. Чем больше, тем лучше. Ребёнок – дар Божий и огромное счастье».

Респонденты старшего поколения (у многих уже внуки), чаще всего считают, что у них могло бы быть больше детей.

Игорь, отец двоих детей: «Имея двоих детей в семье, я понимаю, что третьего «не хватает». Так, за время подрастания третьего ребёнка сгладились бы многие возрастные конфликты со старшими детьми. К тому же они могли бы приглядывать за младшим и меньше бездельничали бы.

фото Павла Буй

Далеко не всегда мнения мужа и жены о количестве детей совпадают, однако, как правило, существенно не расходятся. На наш взгляд, разные ответы могут указывать на то, что между супругами нет искреннего диалога или они вообще не поднимали данный вопрос.

Так сложилось, что с колыбели основная нагрузка по заботе о малыше ложится на мамины плечи. Мама сильно устает и боится, что без поддержки мужа ей будет тяжело, поэтому больше одного-двух детей не хочет. А папа, наоборот, может мечтать о большой семье. Встречались ситуации, когда папа не хочет больше деток и мама смиряется.

«Мне кажется, вряд ли кто-то в начале семейной жизни решает: хотим восьмерых – и всю жизнь твёрдо идёт к этой цели”

В среднем незамужние женщины хотят больше детей в своих будущих семьях, чем холостые мужчины.

Нам кажется, что причина таких разных ответов кроется в воспитании. Сейчас большинство родителей все ещё стараются ориентировать девочек на замужество и материнство. Правда, иногда ориентация происходит только на словах, а собственный пример родителей говорит девушкам об обратном. С мальчиками всё гораздо сложнее. Существует мнение, что мальчик до замужества должен «нагуляться», и некоторые родители не только не препятствуют этому, но и поощряют. Часто мальчика воспитывают защитником Отечества, но не отцом.

Время, которое требуется женатым или замужним респондентам на ответ, обычно гораздо больше, чем холостым. Часто первые серьезно задумывались или даже затруднялись с ответом.

Детки – это счастье, они же – ежедневный труд и ответственность. Секундная слабость заставляет родителей подумать о бессонных ночах, усталости, слезах, капризах, вечном «хочу» или «дай». Но секунда проходит, и родители вспоминают первую улыбку малыша, первое слово, то, как дочка или сыночек беспомощно стискивает твою руку, нежные взгляды, бесхитростные и обезоруживающие суждения, искренние признания в любви и простые детские комплементы: «Папа, ты самый сильный» или «Мама, ты самая красивая».

Мы живём в потребительском обществе и часто даже не видим его недостатков. Или видим только тогда, когда остаёмся в проигрыше. Минимальная целевая планка индивидуума в таком обществе – быть как все. А максимальная – лучше всех! Почти всё человечество участвует в безумной гонке, цель которой не упустить своего и взять от жизни всё. Эта гонка постоянно требует денег и отнимает массу времени. То и другое крадется из бюджета семьи. Правила гонки усваиваются с молоком матери, передаются от родителей к детям как тайное знание законов выживания в этом мире. Как вырваться, когда все вокруг живут гонкой? «Ребёнок должен обязательно получить высшее образование», «Сын должен учиться только на десятки», «У дочки будет самое красивое платье на выпускном» – всё это элементы гонки. Но разве не бывают незаменимых специалистов без высшего образования? Разве уровень ума определяется только школьной оценкой? Разве красота девушки заключается только во внешнем облике?

Конечно, формула счастья у каждого своя. Многодетная семья – это отдельная личная история. Нам очень близка известная пословица: «Если Бог ребёнка даёт, то и на ребёнка даёт». Все зависит от того, на какие жертвы родители могут пойти, от чего отказаться. Если внимательно посмотреть на свою жизнь, придётся признать, что ненужного в ней достаточно много. Дело даже не в конкретных материальных благах, а в привычке попусту тратить деньги и время. Но идти на такие «жертвы» нужно искренне и без обид на близких. Только тогда семейная многодетная жизнь принесет истинное счастье родителям, а через них и детям.

Если не жалуешься на «тяжелую жизнь», если принимаешь без ропота то, что посылает Господь, если привыкаешь Его благодарить за всё: детей, здоровье, работу, зарплату и т.д. – то переполняет ощущение великого счастья! А это значит, что в семье умиротворение, которое приносит радость!

–Так что, вы хотите троих???
–Хотим больше!!!

фото Павла Буй

Александр Бабук

ПАПА, МАМА, Я – «СЛУЧАЙНАЯ СЕМЬЯ»

фото Екатерины Межевец

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

А.С.Пушкин

Точно также как Бог Един в трёх Ипостасях, человек един в трёх своих проявлениях: муж (отец), жена (мать) и ребёнок. Союз мужчины и женщины составляют одну плоть, а плод их любви – дети. Однако с момента своего зарождения институт семьи сильно изменился. Результат изменений – появление так называемой «случайной семьи», о которой много и хорошо писал Фёдор Михайлович Достоевский.

фото Екатерины Межевец

В поздних произведениях писателя прослеживается мысль том, что ребёнок с «самого первого детства» обречён на страдание, прежде всего, по причине ленивой беспечности и безответственности родителей. «Случайное семейство» по Достоевскому – это отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, построенные не на любви, а на страстях и пороках. Больше всего, от «случайной семьи» страдает детская целомудренная душа, как губка впитывающая сложившуюся в такой семье обстановку ненависти и разврата. Впоследствии дети, в лучшем случае «вспоминают до глубокой старости малодушие отцов, ссоры в семействах, споры, обвинения, горькие попреки и даже проклятия на них, на лишние рты, и, что хуже всего, вспоминают иногда подлость отцов, низкие поступки из-за достижения мест, денег, гадкие интриги и гнусное раболепство», в худшем случае они набивают этой грязью полные карманы, «чтоб употребить её потом в дело и уже не с скрежетом страдания, как его родители, а с лёгким сердцем».

Отец, семейное главенство которого установлено Богом, несёт особую ответственность за «случайную семью». Если отец не занимается воспитанием своего ребёнка, это может привести к тяжелейшим последствиям. Дети, которым не привито чувство долга, ответственности и целомудрия, могут вырасти ленивыми эгоистами, озлобленными на окружающий мир, откровенными злодеями и даже революционерами, как Петр Верховенский из «Бесов». При этом и сам отец обречён на страдание, т.к. недремлющий голос совести может попросту «сжечь» его душу, его личность. Это можно увидеть на примере романа Достоевского «Подросток», где Андрей Петрович Версилов, отец Аркадия Долгорукого, главного героя произведения, мечется между двумя женщинами – супругой Софьей Андреевной и княжной Катериной Николаевной Ахмаковой. Попутно Верислов имеет связь с учительницей Олей и Лидией Ахмаковой, которая родила от него ребёнка. От этих случайных связей сознание Андрея Петровича раздваивается, и он, впав в страшное уныние, чуть не доходит до самоубийства. Ярким символом этой раздвоенности Версилова стала расколотая им об печку икона:

«Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь, — оглядел он нас всех с ужасно серьёзным лицом и с самою искреннею сообщительностью. — Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу, и иногда превесёлую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту весёлую вещь, и Бог знает зачем, то есть как-то нехотя хотите,

сопротивляясь из всех сил хотите. <…> И, право, не знаю, почему мне всё припоминается сегодня этот доктор; до того припоминается, что не отвязаться. Знаешь, Соня, вот я взял опять образ (он взял его и вертел в руках), и знаешь, мне ужасно хочется теперь, вот сию секунду, ударить его об печку, об этот самый угол».

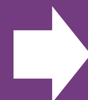
Кроме того, Андрей Петрович напрочь отказывается от воспитания своего сына и помещает его на воспитание в пансион Тушара, где всё обучение основывается на деспотизме и жестокости руководителя. Аркадий тоскует по отцу, который как защитник, должен явиться к нему и помочь: «Когда я ложился в постель и закрывался одеялом, я тотчас начинал мечтать об вас, Андрей Петрович, только об вас одном; совершенно не знаю, почему это так делалось. Вы мне и во сне даже снились. Главное, я всё страстно мечтал, что вы вдруг войдёте, я к вам брошусь и вы меня выведете из этого места и увезёте к себе, в тот кабинет, и опять мы поедем в театр, ну и прочее». Не дождавшись отцовской помощи, Аркадий решает стать богачом наподобие банкира Ротшильда и уйти в «подполье» подальше от людей, чтобы хоть как-то отгородиться от безумного внешнего мира. Об этом герой сам сообщает в романе: «Я повторяю: моя идея — это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд. <…>Уединение — главное: я ужасно не любил до самой последней минуты никаких сношений и ассоциаций с людьми…». Аркадий захотел стать Ротшильдом, потому что понимал, какую власть и могущество дают человеку деньги: «В том-то и «идея» моя, в том-то и сила её, что деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». Прозревает и исправляется Аркадий, прежде всего, благодаря своей матери, Софье Андреевне, которая, осознавая свою вину за «случайное семейство», постоянно жертвует собой и не даёт своему сыну окончательно упасть. В конце романа Аркадий Долгорукий, несмотря на духовное падение своего отца, примиряется с ним. И постепенно «случайное семейство» переходит в «дар ненапрасный».

Вершиной изображения семейного кризиса в творчестве Достоевского стало убийство Федора Павловича Карамазова, отца братьев Карамазовых в последнем романе писателя. Сторонники фрейдизма считают, что смерть Федора Павловича Карамазова явилась своего рода местью самого Достоевского собственному отцу за его скверный характер и применение насилия в семье. Однако по свидетельству письма одного из братьев писателя, Андрея Михайловича, Достоевский был воспитан в благочестивых традициях православия, где не было места насилию и деспотизму, несмотря на сложность отношений с отцом. Скорее всего, Достоевскому всё же удалось получить от отца то воспитание, которое требовалось мальчику в те годы.

Причина кризиса семьи, по Достоевскому, заключается «в утрате идеи современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам». Эталоном этой идеи является Иисус Христос, которого Достоевский ставит даже выше Истины. Всю вину человека писатель видит именно в гордыне и тщеславии, мешающим принять жизнь такой, какова она на самом деле. Кто знает, если бы не либеральное попустительство Пульхерии Александровны, матери Раскольникова в «Преступлении и наказании», убийства старухи-процентщицы, вероятно, можно было бы избежать,

О ЧЁМ СПОРЯТ ОТЦЫ И ДЕТИ XXI ВЕКА?

Ситуацию комментирует психолог Илья Жлобович

Основная проблема в том, что сейчас дети взрослеют очень быстро. Быстро и неправильно. Они хотят в один миг стать самостоятельными и независимыми, рано ездить на дорогих машинах, иметь собственное жильё, красиво одеваться. И всё это с минимальными затратами.

Отцы уже прошли этот максимализм, но в других условиях. Культ красивой жизни так активно не навязывался им извне, поэтому детей они всё же недопонимают.

Дети в свою очередь начинают думать, что отцы «лузеры», которые не знают, как следует жить, боятся рисковать и вообще не понимают, что «надо брать от жизни всё». Отцы не являются авторитетом для своих детей. Понимая это, родители начинают «решать» проблему как умеют. Например, пытаются купить внимание сына, задабривая его дорогими подарками; или, включая гиперопеку, не дают ему сделать ни одного самостоятельного шага; или наоборот отпускают его не все четыре стороны. Тогда в адрес пап и мам сыплются обвинения:

или забота Федора Павловича Карамазова о сыновьях не допустила бы бунтарства Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы». Нежелание принимать такой «высшей гражданской обязанности, как воспитание собственных детей, действительно могут породить даже нелюбовь к ним, почти ненависть, почти чувство личной какой-то мести» не только к собственным детям, но и ко всему окружающему миру. Отсюда понятен призыв Достоевского из знаменитой речи, произнесенной на Пушкинском празднике: «Смирись, гордый человек».

Выход из кризиса семьи Достоевский видит в необходимости восстановления утраченной веры в Бога, которая в конечном итоге способствует общению детей и отцов. В этом смысле можно вспомнить эпизод из известного рассказа «Мужик Марей», где испугавшийся ребёнок встречает на поле пашущего мужика Марея, который со словами «Христос с тобой, окстись» как бы снисходит к нему и благословляет его. Контекст пасхального воспоминания превращает встречу испуганного мальчика и крестьянина мужика Марея в сретение с самим Богом. Отцы, которые потеряли своих детей в «случайном семействе», так же должны снизойти к своим детям и восстановить общение с ними, как это делали русские святые, облик которых и воплотил в себе собирательный образ мужика Марея.

Можно предположить, что так Достоевский мог соотносить святых людей с родителями, которые трепетно пекутся о своих чадах. Так народ постепенно начинает обретать свои идеалы, которые «сильны и святы», а дети в свою очередь «находят» отцов, которые были воспитаны на этих идеалах. «Святые срослись с душой народа искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностию и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от неё всего более сам, и верит, что всё это — лишь наносное и временное, наваждение диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет. Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев, Феодосиев Печерских и даже про Тихона Задонского». Именно в простых людях, облик которых явили русские святые, Достоевский видит путь единения простого народа с теми, кто наделен властью над ним. Это в какой-то степени стоит отнести к родителям, которые Богом наделенные властью над детьми, снисходят к ним, с любовью пекутся и заботятся о них. Недаром тот же Подросток вспоминает свою мать, которая привела его на первое в жизни Причастие: «…вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу…».

- Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1877 год / Ф.М. Достоевский // [редколл. : В. Г. Базанов, В. В.
- Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер, М. Б. Храпченко]. – Л.: Наука, 1982. – Т.25.
- Достоевский, Ф.М. Подросток / Ф.М. Достоевский – Л.: Наука, 1975. – Т. 13
- Достоевский, Ф.М. Дневник писателя 1876 год / Ф.М. Достоевский – Л.: Наука, 1983. – Т. 25

О ЧЁМ СПОРЯТ ОТЦЫ И ДЕТИ XXI ВЕКА?

Ситуацию комментирует психолог Илья Жлобович

- Ты, работая всю жизнь, не смог меня нормально обеспечить.
- Ты не уделял мне внимания. Ты занимался собой.
- Ты вмешалась в мою жизнь.
- Ты захотела, чтобы я поступал в университет, а я не хотел…

Конфликт начинается со стороны детей, но решение в том, чтобы всегда быть примером для них. Почему есть профессиональные династии? Потому что для сына отец является примером. Здесь есть должное воспитание с одной стороны и должное уважение с другой. Даже если время упущено, нужно пытаться стать примером. Отец начинает менять ребёнка, но нужно начинать с себя.

Разумеется, отношения не исправятся сиюминутно. Дети в силу своего возраста, интеллекта и духовного развития не могут многого осознать. Резкое взросление у человека происходит тогда, когда он начинает нести ответственность: на работе, в отношениях с девушкой, в собственной семье. С каждым годом достичь взаимопонимания будет всё легче.

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

7

фото Антона Карлинера

Требование это – всецело плод нашей деятельности. Если мы презрим свои обязанности, люди будут не только довольны, но и восхищены новизной и привычностью подснежников в эту весну, восхода солнца в это утро, ёлки в это Рождество.

Клайв Стейплз Льюис «Письма Баламута»
отрывок из письма Гнусику

ДЛЯ НЕПОСЛУШНЫХ И НЕ РАВНОДУШНЫХ

книжный обзор Марии Дубровской

Хоббит. Путешествие по книге: Кори Олсен; Лениздат, Команда А, 2013

Жила-была одна книга

Иногда складывается впечатление, что хорошая книга существует абсолютно отдельно от автора. Он вроде бы как есть и в то же время отсутствует. Даже наличие рассказчика от первого лица не гарантирует персонализации образа автора. Да и если присмотреться, сколько произведений было написано как бы по наитию. Одно-два предложения – и герой существует обособленно от текста. Выживает в схватке с противником, побеждает мировое зло и категорически отказывается сыграть в ящик по замыслу автора. Ну, уж нет! Он выкарабкивается с помощью живой толпы обожателей, которая возлагает кладбищенские венки к дверям шокированного писателя, приходит к нерадивому создателю во сне с новыми сюжетными коллизиями, всеми силами пытается задержаться в непостоянном и изменчивом литературном мире.

Кори Олсен

Если вернуться к самому тексту, нередко он рождается у автора в самый неподходящий момент: в городском транспорте, во время ссоры с супругой, в минуты пеленания дорогого отпрыска. И дальше – больше. Процесс практически несётся лавиной с горы. Автор может работать над книгой пять, десять лет, но бросить её – ни-ни.

Самое, пожалуй, приятное, когда литературное произведение создаётся в период монотонных занятий.

Трудно представить, сколько упорства и самовнушения требовалось профессору Толкину для проверки студенческих работ. Ничего нового преподаватель узнать из текстов мучеников не мог априори. Приходилось страница за страницей переползать с одной работы на другую, пока (о, чудо!) не нашёлся девственно чистый лист не слишком усердного студента. На нём зудящая от безделья рука как по наитию вывела: «В норе под землёй жил-был хоббит». Так родилось первое предложение книги «Хобит, или Туда и обратно». Текст,

написанный для детей, стал популярным у представителей разного возраста и положения.

Уже позже из-за большого резонанса издатели предложили Толкину написать продолжение. Так появился масштабный проект – трилогия «Властелин колец». Благодаря фильмам Питера Джэксона, даже самые нелюбопытные подростки и скептически настроенные взрослые посмотрели хотя бы трейлер. А многие смело вступили в ряды безгранично обожающих Дж. Р. Р. Толкина и его произведения. Чем сразу же воспользовались любители подзаработать на чужой славе. Появилось громадное количество книг, фанфиков, журналов, так или иначе упоминающих существительное «хоббит» или, вызывающее у поклонников дрожь, словосочетание «властелин колец».

Из обилия фолиантов удалось найти путеводитель по «Хоббиту» профессора Кори Олсена. Как признаётся автор, в издании «Хоббит. Путешествие по книге», он не собирается отгадывать, что хотел сказать Толкин, придумывать несуществующие мотивы тех или иных сюжетов. Задача, поставленная Кори Олсенам, – как можно подробнее рассмотреть текст, развитие персонажей, дать возможность читателю еще глубже и детальнее вникнуть в любимое произведение.

Родилась эта книга (по некой уже существующей закономерности) самостоятельно, с подачи поклонников Дж. Р. Р. Толкина, которые хотели узнать о текстах автора как можно больше. Первоначально своеобразной аудиокнигой стали лекции профессора Кори Олсена, которые слушали увлечённые студенты.

«В качестве медиевиста, то есть специалиста по средневековой литературе, я с таким никогда не сталкивался – ни разу не бывало, чтобы студенты записывались ко мне на курс по Чосеру потому, что это их любимый автор. Ни одна студентка не подходила ко мне после занятия, чтобы показать любимый, зачитанный до дыр экземпляр рыцарских романов Кретьена де Труа, который мама с папой впервые прочли ей, когда малютке было семь лет». с. 6

Непросто пришлось профессору Олсену в первые месяцы преподавания курса по Толкину. Но благодарные слушатели в некотором роде поспособствовали систематизации лекций и их группировке под одной обложкой.

Язык книги понятен, прост, но небанален. Объяснения приправлены отличным юмором и явной заинтересованностью самого автора в написанном.

Кори Олсен буквально по предложениям анализирует содержание «Хоббита». Читателю придётся детально перечитывать первоначальный вариант сказки, который издали в 1937-ом году. Так как Дж. Р. Р. Толкин не собирался писать продолжение истории, и сюжет выглядел иначе, о чём и напоминает профессор Олсен. В частности, диалог хоббита Бильбо с Горлумом был более дружелюбен, чем в поздней версии. Да и кольцо на тот момент являлось всего лишь магической вещицей, а не инструментом Чёрного Властелина.

Упоминает Кори Олсен и эссе Толкина о волшебных историях.

«Представления об эльфах как о приторно-миниатюрных созданиях – которое лично я называю «диньдинизмом» - исключительно современное, и оно досадно обесценивает, даже умаляет традицию волшебных историй». с. 189

Читая «Хоббита» самостоятельно, трудно заметить все те нюансы, о которых пишет профессор Олсен. С помощью его книги изучение сказки Толкина станет, безусловно, гораздо длительней, но и, несомненно, приятней.

Читать стоит не только фанатичным любителям произведений Дж. Р. Р. Толкина, но и тем, кому хочется научиться видеть шире и глубже, делать выводы, основываясь на словесном материале. Издание поможет стать профессиональным читателем хотя бы «Хоббита» и, вполне возможно, заинтересует вас настолько, что вы с удовольствием осилите творчество двух профессоров – Кори Олсена и Джона Толкина.

«Жить без забот, петь и размышлять – не значит уйти от мира, наоборот, это значит жить в согласии с миром, деятельно и со смыслом». с. 371

фото Антона Карлинера

Реальный репортёр.
Почему нас этому не учат на журфаке? : Дмитрий Соколов-Митрич, Питер, 2012

Dead line

Deadline – та черта, переступив которую, журналист рискует быть «убитым» обоснованно возмущенной речью главного редактора. Её причина – не сданный вовремя материал. И не важно, из-за чего автор не успел положить на стол начальства продукт творческих мук и бессонных ночей. Сдавать издание в печать всё равно надо. После deadline в набор идёт слепленная на скорую руку из того, что удалось наскрести, статья.

Дмитрий Соколов-Митрич

Дословно это английское понятие можно разбить на два и перевести как мёртвая-глухая-безлюдная (dead) линия (line). Такое словосочетание тоже присутствует в журналисткой профессии, особенно если журналист – репортёр. «Мёртвая линия» – граница, которую никогда не переступят нормальные люди. Там, за чертой, другая грань жизни, часто не видимая остальными. Её либо не хотят замечать, либо она скрыта. И репортёр, рискуя своей шкурой (часто не в фигуральном смысле), иногда выступая в роли падальщика, нарушает безлюдную линию. Материал, собранный по ту сторону, превращается в журналистский текст, вкупе с небольшим гонораром, головной болью и муками совести до очередного информационного повода.

Книга Дмитрия Соколова-Митрича родилась абсолютно самостоятельно, правда, при содействии благодарных блоговских читателей журналиста. 18 лет работы в ведущих российских изданиях, освещение главных событий истории России, патологическая любовь к профессии заставили Дмитрия Соколова-Митрича в 2008 году в своём ЖЖ-блоге начать вести мастер-класс на тему «Что такое репортёр?» Аудитория почитателей интернет-советов быстро разрослась и потребовала сбора рекомендаций в удобной форме – в виде книги. Так что автор практически не причём. Структурированную форму «Реальный репортёр» приобрёл с помощью требовательных читателей блога, среди которых – масса начинающих и не очень журналистов, людей других творческих профессий и тех, кто не равнодушен к сухим, ироничным и ценным знаниям, добытым опытным путём.

Есть наблюдение, что лучше всего запоминается информация по каким-то причинам поразившая нас. Плюс либо минус стоял перед эмоцией, с которой мы получили сведения, – не важно. Главное, острота восприятия. Это прекрасно понимает Дмитрий Соколов-Митрич. Его репортажи достаточно сухи, лаконичны, с минимумом авторской позиции, из-за чего невероятно эмоциональны. На второй странице материала «Страстная неделя» про затонувшую подлодку «Курск» почему-то перехватывает дыхание и глаза становятся мокрыми. Хотя традиционных ужасов (последних минут жизни погибших, самоубийств близких и т.д.) в описании трагедии не встречается.

«В самолёте, на котором родственники летели в Мурманск, был дядечка, который, войдя в салон, радовался как ребёнок:
- Ну вот, хоть в самолёте полетаю. А то сижу всю жизнь в своём Серпуховском районе, света белого не вижу!
Это значит, что дядечке было очень плохо». с. 10

Романтично настроенным молодым журналистам придётся ещё в начале чтения распрощаться с «иллюзией прекрасности» профессии. Посмотреть на ремесло глазами Дмитрия Соколова-Митрича, значит, окончательно определиться, готов ли ты идти дальше без розовых очков и набивать собственные шишки всю жизнь.

«Наш разговор со Славой оборвался, едва начавшись, потому что его настойчиво подозвали товарищи. Он возвращается и уже не отвечает на вопросы.
- Извините, но говорить с вами я не имею права. У нас таких, как вы, называют шакалами». с. 11

Автор пытается дать некоторые советы, как писать про трагедии, интервьюировать очевидцев, задавать вопросы тем, кто недавно лишился самых близких. Но рекомендации не универсальные, скорее, подсказки. На них надо строить свою тактику, использовать личный опыт и спотыкаться, не надеясь на подставленное плечо.

«Когда человеку больно, нет места логике». с. 15

Известные вещи в «Реальном репортёре» звучат по-новому, как-то особенно интонируют. Книга обязательна в качестве карманного справочника начинающим. Не знаешь как, спроси у Митрича.

Практические замечания и подсказки завершают каждую главу и предвосхищают следующую. Одна глава – один репортаж. Секрет эмоционального воздействия на читателя Дмитрий Соколов-Митрич объясняет действием от противного: если страшно, значит использовать подчёркнуто нейтральный тон. Кричать должен читатель, от автора требуется минимум эмоций.

Возможно, некоторые строки покажутся излишне жёсткими и жестокими. Их неприятие – выход из репортёрской профессии. Доказано на практике автором и документально подтверждено его материалами.

«Репортаж – это шоу. Даже если у вас от темы дрожит кадык и на глаза наворачиваются слёзы, нужно набраться хладнокровия и работать с материалом именно как с материалом, а не как с собственными эмоциями или фактами своей тысячу раз никому не нужной биографии». с. 49

Темы репортажей Дмитрия Соколова-Митрича разнообразны: существование осуждённых пожизненно, подготовка к олимпиаде в Сочи, запуск нового российского скоростного поезда «Сапсан», 1 сентября в Беслане, ЮКОС… Что-то заинтересует больше, где-то, возможно, захочется быстрее перелистнуть страницу, но дочитаете до конца. Правду всегда читаешь, какой бы она ни была…

Не обязательно быть в журналистике, чтобы читать «Реального репортёра». Можно совершенно не интересоваться профессией, но «проглотить» книгу. Она про качественное, первоклассное и честное выполнение своих обязанностей, без купюр, красивостей и лишних сантиментов. Это оставляйте для застольных посиделок.

Дмитрий Соколов-Митрич давно регулярно перешагивает «мёртвую линию» для того, чтобы просто делать свою работу, по-возможности качественно. И «Реальный репортёр» – рука помощи тем, кто пока не очень представляет, как это делается.

«Однажды Иван Охлобыстин, уже будучи священником, рассказал мне один эпизод общения со своим духовником. Он рассказывал это неконфиденциально, поэтому считаю себя вправе процитировать:
- Батюшка, вот в первые годы службы я как-то за всё и за всех переживал, мучился, страдал – даже молиться было некогда. А теперь…
- …А теперь всё по фигу?
- Точно!
- Ну, значит, ты наконец-то стал настоящим священником.
С репортёрами та же фигня».

M&K

"Мама Му чытае" і "Мама Му прыбірае": Юя Вісландер; мастак Свэн Нурдквіст, пераклад Надзеі Кандрусевіч. – Мінск:Мастацкая літаратура, 2012

Юя Вілсандэр і прыхільнікі

Мама Му – практычна звычайная карова. Толькі ўмее чытаць і паводзіць сябе, як звычайныя... людзі. Што вылучае маму Му сярод людзей і кароў, дык гэта надзвычай цікаўны, дапытлівы і нестандартны сябра. Ён крумкач па выглядзе, а па нутру – натуральнае дзіця. Усё праверыць на ўласным вопыце, зробіць, здаецца, усе магчымыя памылкі, схітрыць, дзе трэба і не трэба... Але ўвогуле ён цудоўны, крыху мітусьлівы паплечнік мамы Му.

Персанажаў дзвюх кніг "Мама Му чытае" і "Мама Му прыбірае" прыдумалі шведскія аўтары Юя і Тумас Вісландеры, а каларытную знешнасць стварыў мастак Свэн Нурдквіст. Кнігі фармата А4 цалкам складаюцца з яркіх і светлых малюнкаў. А невялікія кавалачкі тэксту давядзецца шукаць паміж жыццярадаснымі выявамі герояў. Безліч дэталяў дазволіць разглядаць адну старонку некалькі хвілін. Сакавітая беларуская мова, што з'явілася дзякуючы перакладу Надзеі Кандрусевіч, добра ўспрымаецца на слых і вонкава. А фразачкі Крумкача лёгка разбіраюцца на цытаты: "У мяне зараз адымуцца крылы!", можа крычаць ён у абурэнні. А здзіўленне правакуе яго на эмацыйнае: "Ушчыкніце мяне за пёркі!" ці "Скубаніце мяне за пёркі!".

Тэксты пазбаўлены традыцыйнага маралізатарства і падзелу на дзіцячы і дарослы свет. У маме Му і Крумкачы можна лёгка пазнаць разумных і смешных, гарэзлівых і спакойных, цікаўных і разважлівых дзяцей. Яны кожны дзень у звычайнай будзённасці робяць безліч нечаканых адкрыццяў, прыдумваюць мноства разнастайных заняткаў і не маюць часу на сум ды маркоту.

Безумоўна, кнігі маюць і дыдактычную скіраванасць. Не надта старанныя дзеткі пазнаюць у Крумкачы і ўласныя рысы характару. З мамай Му будзе лёгка разам прыбіраць пакой, пазнаваць свет и папросту гуляць.

"Я пазбіраў усе свае рэчы ў вялікую кіпу на падлозе. Цяпер я дакладна ведаю, дзе яны ўсе знаходзяцца".

Знаёмая сітуацыя, асабліва бацькам, праўда?

Таксама мама Му выдатна піша вершы, якія злёту запамінаюцца. Іх атрымліваецца не толькі цытаваць, але і спяваць пад уласна прыдуманую мелодыю.

Пупышкі распускаюцца,
Пралескі прачынаюцца
Усё навокал цешыць вока.

Матулям, татулям, бабулям, дзядулям адназначна бегчы ў краму і набываць кнігі дзецям, каб самім употай пад коўдрай прагартаць старонку-другую, пакуль стомленае дзіця спіць. А ўдзень можна не саромячыся вывучаць ілюстрацыі і перажываць прыгоды мамы Му і Крумкача разам з сынамі, дачкамі, унукамі ці ўнучкамі.

ОЛЬГА АГАПОНОВА

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА О СЛОВЕ

протоиерею Артемию Владимирову

фото автора

Протоиерей Артемия Владимиров. Настоятель храма Всех Святых в Красном Селе. Член союза писателей России. Заведующий кафедрой гомилетики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заместитель декана факультета Православной культуры Академии ракетных войск стратегического назначения.

Как по-вашему сегодня относятся к Слову?

Когда я поступил на филфак в конце 70-х, о языке говорили, прежде всего, как о средстве коммуникации. Это продолжается до сих пор. Ученые-языковеды разлагают слово, как ветеринары, которые щипцами вытягивают жилы из мертвого жеребца: сочленения на денотат и коннотат, на обозначающее и обозначаемое. Будучи совсем юным филологом, я внутренне протестовал против этой «базаровщины». Болезнь Базарова, напомню, заключалась в том, что все явления, вплоть до любви, он готов был разлагать на атомы. Сегодня мы являемся свидетелями тенденции, которая отказывает слову в праве на существование, подменяя его междометиями, звукоподражаниями, условными сигналами. Но, с другой

стороны, жива Церковь, и всякий человек, по мере вхождения в Её лоно, обретает своё Слово и свой язык.

Что значит «своё Слово» для Вас как для православного священника и филолога?

Для меня Слово – святыня. Дар словесности сакрален, священен по своему происхождению. Если вдуматься, СЛОВО И СЛАВА – одно и тоже. Человеку дан дар СЛОВА для СЛАВОсловия Того, Кто является Вечным Словом, в Которым «вся быть». Поэтому я не намерен сдаваться в плен массовой культуры, которая лишает обывателя способности глубоко чувствовать и ясно говорить. Мы противопоставляем этой общей безвкусице и «бессловесию» Слово ясное, правдивое, прекрасное. Считаю, что приоритет должен остаться за Живым Словом, которое само есть плоть от плоти, кость от кости литературного языка. Где имеет место ясная, звучная речь, посвященная не пустячному предмету, там уходит сера из ушей, там раскрываются сонные глаза, там смягчаются сердца и таинственная жизнь, посредством Слова, вливается в человеческие души.

В начале XX века Осип Мандельштам ввел формулу «тоска по мировой культуре». Есть ли какая-нибудь похожая тоска в веке XXI? Если да, то может ли Слово её преодолеть?

Недавно в Москве на Старом Арбате мне довелось посетить музей Алексея Федоровича Лосева. В этом музее на стене была начертана фраза, которую, видимо, он часто повторял: «Я сослан в XX век». Он ощущал себя осколком другой эпохи, жил мыслью и чувствами в совершенно ином мире, почитая XX век с его расхожими материалистическими идеями и нравами для себя ссылкой или временной командировкой. Мне кажется, что мы все сегодня, живя в этом огрубевшем мире, где почти не осталось места жертвенной любви, верности раз произнесенному слову, где подвергаются осмеянию самые высокие нравственные понятия, тоскуем по Пушкинской эпохе. Нам хочется вернуться в то время, когда сын целовал руку своей матери, когда мужчина вставал, когда входила в зал женщина, когда люди изъяснялись на высоком и чистом языке и черпали в этом бескорыстную радость. Пусть мы не видим сегодня вокруг себя Болконских, «невольников чести», пусть нам не дано, как бы страстно этого ни желал Окуджава, «раз с А.С. пройтись по мостовой», но посредством Слова, чтения классической литературы, мы отчасти утоляем эту жажду. Пусть я выгляжу ботаником, доктором Паганелем, безнадежно устаревшим романтиком, отстоем классической эпохи, но, я думаю, последнее Слово останется за нами.

Что необходимо сделать нам, чтобы не утратить эту литературную жажду и действительно сохранить «Слово за нами», не потерять его вековой духовный сок?

Для того чтобы не потерять святыню, дети должны повернуться лицом к отцам. Нужно понять, что старый мир достоин не разрушения, но вживления в него молодых росточков. И там, где есть преемство поколений, там, где мы ощущаем себя не новаторами, не революционерами, а наследниками, с благодарностью принимающими из рук наших дедов славные победы, будет толк.

Подлинной носительницей духовной, а значит, словесной культуры, является мать-Церковь. Её лик не покрывается морщинами, она не нуждается ни в палочке, ни в ходунках, она всегда прекрасна и нетленна и всегда готова оживить нас, впрыснуть нам животворящую инъекцию – Божественную Благодать. Замечено, что человек, становясь членом Церкви, меняется, преображается и душевно, и телесно, и духовно. Посредством Церкви мы соединяемся с прежде жившими поколениями, мы становимся способными усвоить их богатство. И в этом торжество нашей православной культуры. Мы не канем во мглу, будем пощажены всякими модернизациями и инновациями, благодаря тому, что сейчас уже есть державно мыслящие люди, которые не хотят бежать ускорением путем прогресса в объятия беса, но хотят вернуться к истокам и обрести целостность нашего национального самосознания.

Журнал “Поколение”

№ 2 (6) 2013

Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Артемия, архиепископа Гродненского и Волковысского

Учредитель: Гродненская епархия Белорусской Православной Церкви

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1630 от 23. 05. 2013, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Редакция: приход храма Успения Пресвятой Богородицы (д. Коптёвка)

Попечитель: иерей Антоний Семилет

Главный редактор: Елена Бабич

Редакционная коллегия: Ольга Агапонова, Анна Буй, Павел Буй, Мария Дубровская, диакон Дмитрий Павлюкевич

Компьютерная вёрстка: Елена Бабич

Корректор: Марина Блажиевская-Гайчук

Фотокорреспондент: Игорь Жданович

Авторы статей номера: Ольга Агапонова Елена Бабич, Александр Бабук, Павел и Анна Буй, Александр Горный, Мария Дубровская, иерей Святослав Евтушик, иерей Антоний Семилет

В том числе использованы фото: Ольги Агапоновой, Павла и Анны Буй, Антона Карлинера, Екатерины Межевец.

Адрес: Республика Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23

Электронный ящик редакции: pokolenie-red@tut.by

Адрес “Вконтакте”: vk.com/pokolenie_by

Журнал “Поколение” №6
Подписано в печать 25. 07. 2013.
Формат 60x90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,00. Усл. изд. л. 14,28.
Тираж 1200 экз. Заказ 4093.

Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Гродненская типография».
ЛП № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, Гродно.

Чтение, по его мнению, представляло собой попытку попасть камнем в другой камень, подброшенный тобою же за миг до этого, так что согласные в таком случае это камни, а их скорость – гласные.

Милорад Павич
“Хазарский словарь”

Электронный ящик редакции: POKOLENIE-RED@TUT.BY

Подключайтесь к обсуждению номера в нашей группе "Вконтакте"
vk.com/pokolenie_by

